

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Сообщение Леонида Гроссмана

Наиболее полная публикация материалов о петрашевцах — известный трехтомный сборник П. Е. Щеголева — далеко не исчерпал архивных документов об участниках политического процесса 1849 г. Третий том этого издания, где опубликован доклад генерал-аудиториата царю о деле петрашевцев, обрывается на 19 декабря 1849 г. Но не этой датой, конечно, заканчивается политическая драма участников кружка и их взаимоотношения с императорской властью. Напротив того, наиболее острые и тяжелые события «дела» происходят уже после указанного момента, когда история процесса вступает в стадию своих жестоких санкций. Исполнение приговора над петрашевцами, эшафот, арестантские роты, каторга, служба в войсках — все это еще на целое десятилетие продлит официальную историю петрашевцев, оставив дополнительно еще на двадцать лет некоторый след в правительственных архивах, в виде документов о полицейском надзоре над бывшими политическими преступниками. Царское правительство ничего не забывало и никогда не прощало до конца: политический процесс, возникший в 1849 г., длится в скрытых формах тайного наблюдения вплоть до 80-х годов.

Между тем все эти обширные «внесудебные» материалы о петрашевцах полностью сохранились в архивах военного министерства. Здесь имеется ряд ценнейших сведений об участниках кружка и особенно о самом знаменитом из них — Достоевском. Именно здесь сохраняются до сих пор неизданные два сибирских его стихотворения, которые предполагались утраченными.

Особый интерес среди этих материалов представляют документы, касающиеся развязки судебно-следственной борьбы 1849 г. — казни петрашевцев 22 декабря. До сих пор все сведения о ней исчерпывались скудными официальными распоряжениями и несколькими мемуарными свидетельствами участников и зрителей обряда. Воспоминания Н. Н. Кашкина, М. А. Корфа, Д. Д. Ахшарумова, А. Е. Врангеля и особенно потрясающие рассказы Достоевского (в письме к брату из крепости и в первых главах «Идиота»), рисуя достаточно полно картину самого обряда, почти не касались сложной процедуры его организации. Между тем ритуал казни предполагал сложнейшую подготовку церемонии, поистине напоминающую большую сценическую постановку. Придуманный Николаем I издательский план «недовершенного» расстрела требовал сугубо сложного и точного выполнения. Неудивительно, что переписка высших чинов правительства о предстоящей экзекуции напоминает местами режиссерский экземпляр громоздкой театральной пьесы. В «весьма секретных документах», которыми обмениваются 20 и 21 декабря ближайшие сотрудники царя, предусмотрены все подробности обряда — размеры эшафота, мундиры казнимых, облачение священника, эскорт карет, темпы барабанного боя, маршрут из крепости на место расстрела, преломление шпаг над головами преступников, облачение их в белые рубахи, функции палача, заковку в кандалы и отбытие с плаца в особых одеяниях ссылаемых. Большой интерес представляет и приложенное к распоряжению о казни точное описание внешних примет каждого преступника, т. е. целая серия «полицейских портретов» всех петрашевцев, в том числе и Достоевского («росту среднего, волосы светлорусые

глаза серые, нос обыкновенный, лицо чистое, белое, на лбу под левой бровью небольшой рубец»).

Характерны и обстоятельные документы о стоимости казни, т. е. о расходах, связанных как с судебным производством, так и с организацией расстрела и, наконец, с отправлением осужденных в ссылку. По циническому распоряжению Николая I, издержки по производству дела «петрашевцев» в размере до 3 тысяч рублей были взысканы с подсудимых Петрашевского и Спешнева. Весьма характерны в историко-бытовом отношении представленные по начальству счета за восемь пар кандалов «для отправления злоумышленников», за наем 22 «городских возков» для доставки осужденных на Семеновский плац, на покупку 7 шпаг для их переламывания над головами разжалуемых дворян, на полотно для белых рубах казнимых. Эти расходы были отнесены царем на счет тех ведомств, «по коим они употреблены», а по счету крестьянина Федотова, построившего «деревянную платформу» на Семеновском плацу, было высочайше повелено «заплатить из комнатной его величества суммы».

Гнев государя не переставал преследовать осужденных в продолжении всего их скорбного пути на каторгу и даже до самого конца положенного срока их кары. В документах тобольского приказа осылных имеются специальные предписания о том, что «государю императору благоугодно, дабы преступники, в полном смысле слова, были арестантами, соответственно приговору: облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства, вследствие чего для неослабного и строгого за ними надзора должны быть назначены надежные чиновники».

Еще явственнее неумолимая мстительность Николая сказывается в его ответе на ходатайство омского коменданта от 25 марта 1852 г., — т. е. на третий год пребывания Достоевского и Дурова в остроге, — о переводе их, «в виду хорошего поведения, покорности и усердия к работам, из каторжных в разряд военно-срочных арестантов с освобождением от ножных желез». Военное министерство обратилось к царю, «испрашивая» соответственное разрешение, с указанием, что названным осужденным остается пробыть в каторжной работе всего 1 год 10 мес. Но «монаршего соизволения на сие представление не последовало». Как ошибался впоследствии Достоевский, полагая, что отменяя вынесенный ему смертный приговор Николай I «пожалел в нем молодость и талант!». Оказывается, на третий год каторги Достоевского, царь запретил снять с него кандалы, несмотря на ходатайство об этом его непосредственного и высшего начальства.

Изменение участи осужденных произошло по всей строгости приговора 1849 г. без малейшего отступления от его карательных постановлений. Только перед самым окончанием установленного срока каторжных работ Достоевского командир отдельного Сибирского корпуса обращается в главный штаб с запросом, куда именно должен быть определен этот «преступник», подлежащий, согласно приговору, зачислению после каторги в войска рядовым. Дело снова восходит к Николаю I, который в конце ноября 1853 г. постановляет зачислить Достоевского нижним чином в войска Сибирского линейного корпуса «с оставлением под строжайшим надзором».

Став солдатом Сибирского линейного батальона № 7, Достоевский предпринимает вскоре первые попытки к ускорению своей реабилитации. История двух сибирских стихотворений Достоевского — «На 1 июля 1855 г.» и «Умолкла грозная война» — изложены нами ниже.

Следующая группа документов относится к важнейшему моменту в истории кары Достоевского — к его производству в офицеры, т. е. к внешней ликвидации приговора 1849 г., поскольку он исчерпывался санкциями каторги и солдатчины. Но фактически наказание еще не было вполне завершено: Достоевский еще не получал права печататься. Александр II утвердил 14 сентября 1856 г. ходатайство генерала Гасфорта о производстве Достоевского в прапорщики или в чиновники 14-го класса, при условии секретного наблюдения, в результате которого разреша-

лось поднять вопрос о дозволении ему печататься. Канцелярская волокита сказала на прохождении этого приказа, так что в конце октября сам военный министр обратил внимание на то, что в отношении Достоевского «высочайшая воля оставалась без исполнения полтора месяца».

Наконец последняя группа документов «об увольнении Достоевского от военной службы» представляет особый интерес в виду наличия здесь двух документов, подписанных Достоевским. Это — обстоятельное прошение на высочайшее имя об отставке от военной службы по болезни с выбором для местожительства Москвы и так называемый «реверс», т. е. подписка об отказе претендовать на «казенное пропитание» в случае отставки. К документам приложено врачебное свидетельство, представляющее собой самое полное медицинское описание эпиплетических припадков Достоевского, от начального «вскрикивания» до момента «возврата сознания». Очень ценна для биографов, и особенно для биологов и евгенистов, общая «лекарская» характеристика организма 35-летнего Достоевского с указаниями на посредственное и истощенное телосложение и «нервную боль лица вследствие органического страдания головного мозга».

Особый интерес представляют литературные материалы военных архивов, вокруг которых и сосредоточено, преимущественно, наше внимание. Нам известны названия целого ряда вещей Достоевского, до нас не дошедших. Таковы его ранние драмы «Борис Годунов» и «Мария Стюарт», его беллетристические опыты 40-х годов — «Сбритье бакенбарды», «Повесть об уничтоженных канцеляриях», «Янкель», «Записки лакея о своем барине», затем написанные в Сибири «Письма об искусстве», патриотическая статья «О России», два стихотворения на смерть Николая I и на воцарение Александра II, речь к собранию петербургских дворян (составленная в 1860 г. для Врангеля) и «Мои воспоминания о Белинском», приготовленные в 1867 г. для сборника «Чаша». К этому можно добавить начало автобиографии, предпринятой Достоевским осенью 1876 г. по просьбе П. В. Бывкова. Наконец до нас дошли сведения о школьных сочинениях Достоевского. По рассказам генерал-лейтенанта В. А. Родионова, Достоевский в инженерном училище писал ему, как близкому товарищу, сочинения на темы: «Ночь на маневрах», «Ермак Тимофеевич», «Характер Ярослава». Все эти писания считались безвозвратно потерянными, и ни один из редакторов, работавших над полными собраниями сочинений Достоевского, не пытался разыскать эти неизвестные рукописи.

Благодаря новооткрытой пачке документов этот реестр можно в настоящее время несколько сократить. Два «патриотических» стихотворения, написанных Достоевским в 1855—1856 гг., находятся среди прочих документов о сосланных петрашевцах.

Как известно, романист почти не выступал в печати в качестве поэта, если не считать стихотворных гротесков, которые он охотно вкрапывал в свои романы (отчасти в «Идиоте», в «Братьях Карамазовых», более всего в «Бесах»). Возможно, что Достоевский следовал здесь традиции, восходящей к «Дон-Кихоту» и «Вильгельму Мейстеру», в которых основная проза повествования перемежается с лирическими фрагментами. Помимо таких вставных куплетов Достоевский охотно набрасывал сатирические строфы, оставшиеся в большинстве случаев неизвестными его современникам. В черновых рукописях Достоевского сохранились наброски эпиграмм (напр., на Лескова) или стихотворных фельетонов («Офицер и нигилистка»). В Сибири им было написано патриотическое стихотворение «На европейские события 1854 года», которое включалось обычно в посмертные собрания его сочинений. Было известно, что к сибирскому периоду относятся еще некоторые политические строфы, но до настоящего времени они считались утраченными и в печати никогда не появлялись. А. Е. Врангель в своих воспоминаниях сообщает, что «Достоевский написал стихи на смерть императора Николая I. Обсудив с ним, мы решили передать через Гасфорта стихи вдовствующей императрице. Стихи эти, насколько помню, начинались так:

Как гаснет в небесах зарница,
Угас супруг великий твой...

Гасфорт якобы отказался хлопотать «за бывших врагов правительства», и, согласно просьбе Врангеля, стихи взялся передать в Петербурге по назначению принц П. Г. Ольденбургский: «Стихи получены были императрицей — это мне достоверно известно, так как мне впоследствии подтвердил это Сахтынский, управляющий делами III Отделения».

Цитата, приведенная Врангелем, оказывается приблизительной, а большинство сообщенных им подробностей неверны.

Чувствуя, что только открытое заявление об отказе от «политических заблуждений» и полной преданности власти может ускорить возвращение к общегражданской жизни и литературной деятельности, Достоевский решает на такую декларацию. Первая попытка в 1854 г. оказывается слишком расплывчатой и не достигает цели. Стихотворение «На европейские события 1854 года», несмотря на ходатайство сибирских начальников Достоевского о напечатании его в «Петербургских Ведомостях», не встречает одобрения Дубельта и остается в архивах III Отделения до 1883 г.*. Но уже в 1855 г. Достоевский лишет второе патриотическое стихотворение. В обращении к вдовствующей императрице он совмещает похвалу самой Александре Федоровне с хвалебными поминками по Николаю I и приветственными надеждами на новое царствование. Оно носит заглавие «На первое июля 1855 года», т. е. на день рождения императрицы. Достоевский воспользовался приездом в Семипалатинск командира отдельного Сибирского корпуса Гасфорта для передачи ему своей оды, с просьбой «повергнуть ее к стопам императрицы». Отметив в стихотворении «теплоту патриотических чувств», Гасфорт направил рукопись к военному министру с просьбой передать ее выше и в награду произвести Достоевского в унтер-офицеры. На этот раз попытка увенчалась успехом: 21 сентября 1855 г. департамент аудиториацкий военного министерства (т. е. судебная инстанция, приговорившая шесть лет перед тем Достоевского к расстрелу) сообщал подлежащим ведомствам о своем согласии на первое смягчение участи осужденного. По соответствующим докладам 18 ноября 1855 г. было «всемиловитейше повелено: рядового Достоевского произвести в унтер-офицеры».

Этим ничтожным повышением Достоевский все же как бы выходил из сферы действия карательной санкции 1849 г. («на четыре года в каторгу, а потом — рядовым»). Это была первая ступень к реабилитации. Она рассматривалась начальством как чрезвычайная милость, так как «из соучастников Буташевича-Петрашевского, осужденных в 1849 г. в каторжную работу и определенных потом в военную службу, в унтер-офицеры никто еще не произведен», сообщил в октябре 1855 г. докладчик военного министерства. Сам Достоевский был глубоко удовлетворен достигнутым результатом: «Я произведен в унтер-офицеры, что довольно важно, — пишет он 13 января 1856 г. брату, — ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительнее унтер-офицерства. Меня здесь уверяют, что года через два или даже через год я могу быть официально представлен в офицеры».

И действительно, через год Достоевский решает форсировать следующую «милость», которая, по существу, должна означать окончание кары или полное прощение — производство в первый офицерский чин. Он пишет третье стихотворение, уже непосредственно обращенное к новому царю. Об этом новом произведении он сообщает весной 1856 г. Врангелю в трех письмах (23 марта, 13 апреля и 23 мая). «Посылаю стихи на коронацию и заключение мира, — сооб-

* Оно было впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Гражданину» в 1883 г. с примечанием от редакции: «Печатаемое нами стихотворение написано было покойным Ф. М. Достоевским в 1854 г. в бытность его в Сибири. Стихи эти были известны небольшому кружку приятелей покойного. При собрании материалов для биографии покойного Ф. М. Достоевского оно было найдено и благодаря любезности вдовы покойного отдано нам для напечатания в книге «Гражданин», с именем которого связаны воспоминания о близком участии покойного Федора Михайловича в этом издании в 1873 году» («Гражданин». «Литературные приложения», 1883, январь, стр. 3).

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок карандашом К. А. Трутовского, 1847 г.

Государственный Литературный Музей, Москва

щает он в последнем письме.— Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить напечатать. Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал со стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно дошло к монарху».

В своих воспоминаниях Врангель сообщает об этом: «Было еще другое стихотворение Достоевского — «На вступление на престол Александра II». Оно было мною передано лично по приезде моем в Петербург Эдуарду Ивановичу Тотлебену» (А. Е. Врангель. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири». 1854—1856. П., 1912, стр. 78—79). В соответствии с главной целью Достоевского повышается и патриотизм третьего стихотворения. Это уже открытое приветствие и восхваление царя на фоне «новой эпохи». Стиховые традиции старшего поколения (Жуковский, Пушкин) здесь сочетаются с славянофильствующими провозглашениями официальной публицистики эпохи ликвидации крымской кампании. Здесь и сравнения с Петром I, и варианты на национальный гимн, и гневная Русь, опоясанная «доблестным мечом», и обращение к Христу, как к оплоту русского государства. При всей официальности идеологии и искусственности стиха это стихотворение 1856 г. уже заметно выражает некоторые основы будущей политической философии Достоевского.

И на этот раз политическая декларация возымела успех. На докладе семипалатинского военного губернатора, представившего стихотворение в военное министерство, было помечено 27 июня 1856 г.: «принять к сведению», а 14 сентября военный министр опубликовал по своему ведомству «высочайшее позволение о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики». Возведение в первый офицерский чин внешне означало полное прощение, т. е. возвращение дворянства и всех прав состояния, но на самом деле Достоевский еще оставался пораженным в самом жизненном своем праве: разрешение печататься ему еще не было предоставлено.

Такова внешняя история вновь найденных стихотворений Достоевского.

При оценке стихотворной трилогии Достоевского («На европейские события 1854 года», «На 1 июля 1855 года» и «Умолкла грозная война») необходимо все-

мерно учитывать особые цели помилования и реабилитации, какие преследовал в первую голову ее автор. Но эти задания не лишают все же сибирских стихов Достоевского их литературного и идеологического значения. Они написаны не в виде рифмованных прошений на высочайшее имя, но как произведения, подлежащие опубликованию и предназначенные для определенных органов печати. Этими именно созданиями Достоевский имел в виду вернуться в литературу, определяя ими свое новое направление после прерванного каторгой дебютного пятилетия 40-х годов.

Достоевский оставил Омский острог в самом разгаре мировых политических событий. Уже около полугода длилась война России с Турцией, и со дня на день ожидалось присоединение к противнику Англии и Франции. Около 15 февраля Достоевский выходит из каторжной казармы, а 28 февраля западные державы заключают союз с Турцией, чтобы 1 марта предъявить Николаю I ультиматум, а 15 и 16 марта объявить войну России.

Военная эпоха, встретившая Достоевского на пороге Омского острога, уже вызвала в литературе заметное движение реакционного характера. Оно определялось различными современниками как «патриотическое», «русское», «христианское». Оно явилось, по существу, прокламированием основных лозунгов николаевской эпохи с ее стремлением «заморозить Россию» самодержавием, православием и воинствующим национализмом. Необходимо отметить, что это религиозно-национальное направление отвечало полностью тем основам мировоззрения Достоевского, которые были вынесены им из семейной обстановки и чрезвычайно укреплены в каторжном уединении, когда он переживал «перерождение убеждений» (т. е. отказ от утопического социализма 40-х годов и возврат к церковно-патриотическим воззрениям своего раннего периода). Неудивительно, что Достоевский и примкнул к этому направлению, в рядах которого уже успешно действовал его друг Аполлон Майков.

С самого начала войны, т. е. еще с середины 1853 г., Майков заявил о своем отказе от чистой лирики во имя общественных тем военной эпохи.

Россия вызвана на созерцанье миру,

На суд Истории...

...Теперь не служит стих мне праздной забавой.

Он рвется из души, как отклик боевой,

На зов торжественный отечественной славы...

Еще важнее заявление, сделанное Майковым в открытом письме к А. Ф. Писемскому, напечатанном в «С.-Петербургских Ведомостях» 1854 г., где он подчеркивает значение европейской войны, как этапа в идейном развитии русского общества и русской литературы:

«Нынешняя война в нашей частной жизни, в истории наших убеждений — событие столько же решительное, сколько важное, как и в политическом мире. Надобно быть слепым упрямым, улиткоподобною флегмой, чтоб не отозваться на ту электрическую искру, которая потрясла все сословия русского народа. С каким-то судорожным напряжением ожидаю, что из этого будет, и не могу еще обхватить мыслью и связать в одно стройное целое, в одну картину того, что внутреннее сознание целого народа говорит ему, что он такое, на что он призван и какие силы в нем хранятся. Я готов пророчить, что нынешние события — величайший шаг в нашем развитии: с них начнется новый период нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всех и каждого вдруг, внезапно остановиться и спросить себя: «Кто же ты?» И каково бы ни было образование каждого, из каких бы источников ни почерпнул он свои знания и мнения, все в один голос, в один миг должны были разрешить этот вопрос и единодушно перед судом совести ответить: «Я — русский!»... Ничто не подавило в нашем сознании, что можно быть ученым и образованным человеком и чувствовать, что мы в то же время русские и что в нас превыше всего одно святое

чувство любви к отечеству.... На нас, писателях, лежит великий долг—увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует объяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который осязателен всякому».

Достоевский прочел в «С.-Петербургских Ведомостях» это воззвание Майкова и откликнулся на него в своем письме к нему от 18 января 1856 г. Он подчеркивает в своем ответе, что патриотизм, русская идея, чувство долга и национальной чести были всегда его убеждениями: «Я всегда был истинно-русский...» Именно потому Достоевский высоко расценивал заключительные стихи майковского «Клермонтского собора» с их патриотической патетикой. Омскому затворнику, поражаемому на каторге своих товарищей-поляков гордыми заявлениями о призвании дворянства управлять народом, а великодержавной России—властвовать над другими нациями, был особенно близок финал поэмы Майкова с ее апофеозом великой России, завершающей миссию европейской истории. Пусть «западные братья» ей шлют свои проклятья и флоты—это происходит именно потому, что они почувствовали рост восточной подлинно христианской нации и ненавидят ее «за то, что нам пришлось на долю свершить, что Запад начинал». Следуют горделивые строки о «богоизбранности России», которая, в отличие от европейских современников, «под знаменем Креста не лицемерит, не торгует». В награду за это и в посрамление врагам из ее недр «еще невиданное выйдет гигантское племя к ним грозой...»

Достоевский высоко оценил эти строки: «Читал ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в вашем Клермонтском соборе! Где вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! Разделяю с вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно».

«Клермонтский собор» был напечатан в «Отечественных Записках» в 1854 г. Следует заключить поэту, что Достоевский сейчас же по выходе из каторги принял то литературно-политическое направление, которому оставался верен до конца своей деятельности. Нам известно, что уже на каторге он сознал и твердо установил все предпосылки к этому. По словам политического ссыльного Токарежевского, Достоевский в остроге высказывал крайние великодержавные воззрения и требовал присоединения к России всей европейской Турции с Константинополем. В полном согласии с этим находится сообщение Мещерского в его «Воспоминаниях»: «Мне приходилось слышать от товарищей Достоевского по каторге, что там, на месте его мук, автор «Записок Мертвого дома» изображал между каторжниками и ссыльными самого фанатического апостола заветов преданности русскому государю и самодержавию».

Таким образом в самом начале 50-х годов происходит возврат Достоевского «к народному корню», т. е. к религиозно-патриотическим заветам того московского семейного круга, в котором согласно переплетались верноподданнические воззрения крупного купечества и мелкого дворянства.

В момент выхода Достоевского из острога эти патриотические воззрения, в силу больших политических событий, отлились в настоящее литературное движение. Для характеристики основных государственных воззрений романиста следует отметить, что в самый момент его избавления от каторжных оков в русской печати военного времени господствовало то «патриотическое» направление, которое под различными наименованиями отстаивало идеи национализма, великодержавности, христианской политики, союза «Креста и меча» и пр. Направление это, отвечавшее основным воззрениям Достоевского, сложившимся в детстве и молодости, стало отныне органическим и бессменным фундаментом всей его литературно-философской активности. Эти именно идеи руководили до конца его публицистикой и неизменно отражались на диспутах его романов. Но первое выражение они нашли в неожиданной стихотворной форме его сибирских гимнов.

В стихотворении «На европейские события в 1854 году» Достоевский усваивает взвинченный тон патриотической печати военного времени. С самого начала отмечается «богатырский» рост России и ничтожество ее врагов («Попробуйте на нас теперь взглянуть, коль не боитесь голову свихнуть»), а в заключение подчеркивается «избранность» русских для воинского подвига («Но с нами бог! Ура! Наш подвиг свят...»).

Стихотворение «На европейские события» полностью выражает новое, по сравнению с концом 40-х годов, политическое исповедание Достоевского. Его можно было бы определять как некий церковно-монархический империализм («Спасут нас крест, святыня, вера, трон!»). Основа русской международной политики, согласно этой концепции, в христианстве.

Патриархальный национализм 30-х годов принимает воинствующий характер. В дальнейшем подчеркивается особенное значение православия («Он сам глава всей веры православной...»), и в явном противоречии с началами «всечеловеческого» братства раздаются обвинения христианских наций — Англии и Франции — за их союз с магометанской Турцией против православной Руси («Христианин за турка на Христа! Христианин — защитник Магомета! Позор на вас, отступники Креста...» и пр.). Со всей отчетливостью формулируется традиционная тема петербургской завоевательной программы — господство России над Азией, Константинополем и проливами. «Восток — ее!...». «Властвуя над Азией глубокой», она призвана возродить Византию:

Звучит труба, шумит орел двуглавый,
И на Царьград несется величаво!

Мы видим, что уже в 1854 г. Достоевский выражает со всей отчетливостью политические принципы своей поздней публицистики, которые в последний раз он возгласит, уже «в гроб сходя», в январском выпуске «Дневника писателя» 1881 г. (выпуск этот вышел из печати в самый день похорон писателя).

Стихотворение Достоевского «На европейские события 1854 года» выполнено по всем установкам патриотической поэзии 50-х годов и под явным воздействием целого ряда ее образцов. Мотивы «позорного» союза христианских государств Франции и Англии с магометанской Турцией против православной России, напоминания о поражении французов в 1812 г., призыв к завоеванию Царьграда — все это общие темы патриотической лирики эпохи восточной войны. Обращаясь только к стихам, напечатанным в начале 1854 г., т. е. до стихотворения Достоевского «На европейские события 1854 года», мы находим здесь не только основные идеи, но и характерные метафоры и всю орнаментику этой оды. У Достоевского повторены темы стихотворения Федора Глинки, напечатанного в «Северной Пчеле» в 1854 г., № 2, под знаменательным заглавием «Ура!».

Ура! На трех ударим разом!
Недаром же трехгранный штык!

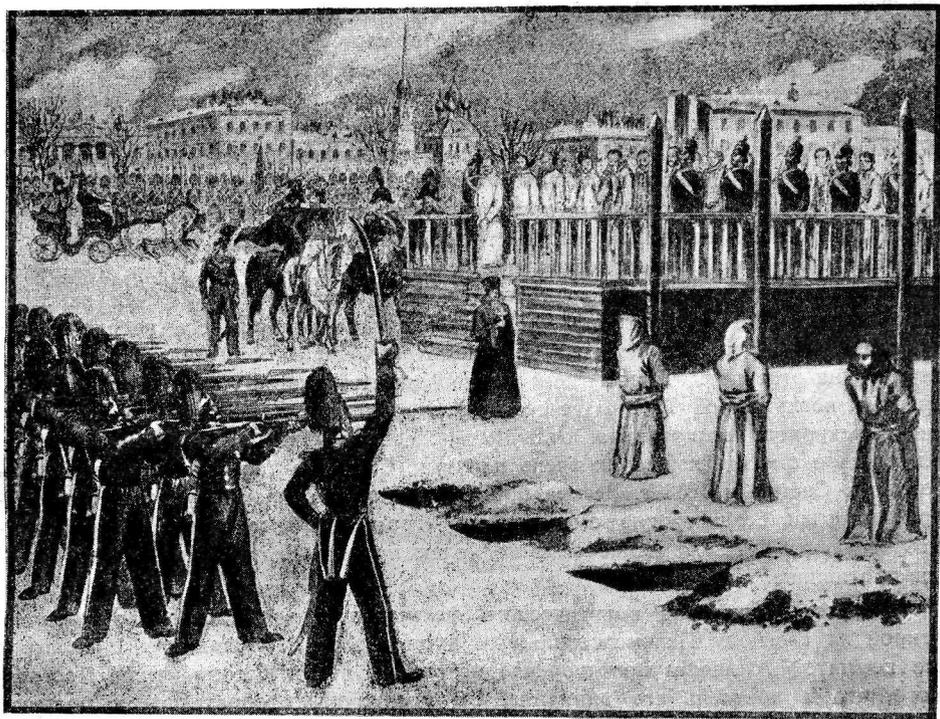
.
Два христианские народа
На нас грозятся за чалму!!

.
Но год двенадцатый — не сказки,
И Запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялися в Бородине...

Достоевский разрабатывает и темы майковского стихотворения «Памяти Державина» о Царьграде и о священной войне. «Жива еще в России о христианской Византии великодушная мечта...», «Во славу имени Христова, кипит священная война...»).

Те же основные мотивы патриотической поэзии 1854 г. даны в стихотворении Ростопчиной («Сев. Пчела», 1854, 26 марта), в «Святой брани» Н. Левашова (там

же, 8 марта), в обращении к «Врагам России» (там же, 1854, № 25) в «Русской песне» Неваховича («Отеч. Записки», 1854, XIII, отд. VII, 188—189) и пр. Во всех этих стихотворениях неизменно прославляются «доблести двенадцатого года» и клеймятся «наемники султана» — «кичливый галл» и «сребролюбивый бритт». Стихотворение Достоевского «На европейские события 1854 года» представляет собою ряд вариаций на эти господствующие темы официальной публицистики начала Крымской кампании.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБРЯДА СМЕРТНОЙ КАЗНИ НАД ПЕТРАШЕВЦАМИ

Рисунок неизвестного художника
Музей Революции, Москва

Точно так же примыкали к современным литературным течениям и два других патриотических стихотворения Достоевского — «На 1 июля 1855 года», и «Умолкла грозная война». В первом из них похвала Николаю I, который, подобно грозному архангелу, «путь нам вековой в грядущем указал», примыкает также к обширной серии восхвалений царя, открытых еще стихотворением Майкова «Коляска», где Николай представлен, как «великий человек»: «В ряду земных царей твой образ колоссальный...» и пр. Аналогичные восхваления «могучего царя» имеются в стихотворениях В. Красова — «Хор», Ф. Глинки — «12 февраля», Рончевского — «К России» («Сев. Пчела», 1854, №№ 46, 54, 69) и пр.

Эта традиция восхваления развернулась еще шире в момент воцарения Александра II. В своем последнем стихотворении «Умолкла грозная война» Достоевский снова тесно смыкается с целой полосой официальной публицистики и «верноподданной» поэзии, расточавших приветствия и гимны новому монарху.

Обращаясь к разработке патриотических тем военной эпохи, Достоевский всемерно учитывает сказавшееся к тому времени в русской литературе неожиданное возрождение оды. Излюбленный жанр феодально-дворянской поэзии дал свою последнюю вспышку в момент смертельной угрозы создавшему его режиму, перед самым крушением крепостной монархии. Для лирико-политических на-

строений середины 50-х годов характерно неожиданное возникновение культуры Державина. (См., например, стихотворение Аполлона Майкова «Памяти Державина», публикацию неизданного стихотворения Державина в «Отечественных Записках» 1855 г. и пр.).

Следует отметить, что этого старинного поэта Достоевский особенно читал и на пятницах у Петрашевского даже читал по памяти его знаменитую обличительную оду «Властителям и судьям». Характерно, что уже в школьные годы Достоевский называет в своих ранних письмах имена знаменитых одописцев старой Франции—Ронсара и Малерба. Все три сибирские поэмы Достоевского строго выдержаны в тонах оды—в двух случаях торжественной или героической и в одном («На 19 июля 1855 года») с приближением к жанру лирической хвалы. Специфически характерными в этих стихотворениях являются черты высокопарности и риторичности, наличие славянизмов и архаизмов (сей, внове, тмится, помазаник десницы твоея, олащена, отверз и пр.), многочисленных олицетворений и метафор (меч Гедеонов, отступники Креста, орел двуглавый, ангел в слезах, гигант самодержавный, кровавый посев и пр.) и, наконец, обилие вопросительных и восклицательных интонаций, способствующих классическому «парению».

По форме своей эти стихотворения свидетельствуют, что жанр хвалебной оды венцеславам безнадежно выродился и был бесповоротно обречен на творческое крушение. Недаром уже Державин пытался оживить его переходом на шуточный тон и непринужденную болтовню с Фелицей. Не имея возможности вступить на этот путь, Достоевский придерживается канонического стиля торжественных восхвалений. Трудно не согласиться с отзывом его старшего брата Михаила, недурного стихотворца, отлично владевшего белым пятистопным ямбом: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность», пишет он в Сибирь в 1856 г. Весьма примечательно, что другие русские поэты быстро ощутили безнадежную омертвелость «громозвучного» жанра и поторопились перевести патристические темы на колею иронии и сатирического изображения противника.

Но этот новый вид политического фельетона, представленный знаменитой сатирой на «воеводу Пальмерстона» или ироническим меморандумом Вяземского «Не помните?», слишком противоречил основному патетическому стилю Достоевского, чтобы привлечь его внимание. Он предпочитает обратиться к большой статье о России, т. е., очевидно, к тому виду философской публицистики, который впоследствии займет такое видное место в его творческой истории.

Это обращение к теме современной России в особом трактате лишний раз подтверждает, что и сибирские стихотворения Достоевского, помимо своих особых функций, являлись для него подлинным литературным фактом. Именно так выразилась его реакция на мировые события восточной войны. Ни одно из этих трех стихотворений не может считаться противоречащим убеждениям Достоевского. Напротив того, выраженные здесь идеи российской великодержавности, национализма, монархизма, исключительной миссии православия и своеобразного синтеза христианства с международной политикой оставались до конца жизненными нервами его государственной философии. Три семипалатинских оды являются только ее первым выражением, несравненно менее совершенным, чем соответственные выпуски «Дневника писателя» или политические страницы романов Достоевского, но вполне соответствующими им по смыслу и, несомненно, выражающими его подлинное умонастроение в середине 50-х годов.

И публикуемые здесь стихотворения Достоевского, и неизданный документальный материал о нем дают много нового для характеристики его идеологической эволюции. Они отчетливо показывают ранние стадии формирования той идеологической системы, которой Достоевский оставался верен после возвращения из ссылки до конца жизни. Они позволяют шире и глубже поставить вопрос об идейных позициях Достоевского в пору наибольшей его зрелости, и в этом их несомненное значение для нашей историко-литературной науки.

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА О ПЕТРАШЕВЦАХ И ДОСТОЕВСКОМ

I. ОБРЯД КАЗНИ НАД ПЕТРАШЕВЦАМИ

I

Весьма секретно.
Весьма нужное.

Сейчас государь император изволил прислать ко мне военного генерал-губернатора для получения от меня наставления относительно предстоящего объявления приговора военного суда над преступниками. Генерал Шульгин при сем случае объяснил мне, что он полагал бы весь обряд смертной казни, т. е. переломление шпаги над преступниками, надевания на них белой рубахи и прочее, поручить здешнему коменданту, а генерал-адъютанту Сумарокову, который будет занят войсками, предоставить объявить всемиловитвейшее смягчение, когда весь предварительный обряд будет кончен; разделяя вполне эту мысль, я прошу Вас, по сношении с генерал-аудитором, приготовить исполнительные бумаги в этом смысле. При сем нужно будет приготовить в аудиториате два списка:

1-й, приговор суда, который должен быть объявлен подсудимым прежде исполнения обряда и вручен коменданту;

2-й же список должен заключать в себе смягчения, которые дарованы каждому лицу. Этот список должен быть препровожден к генерал-адъютанту Сумарокову, который и объявит высочайшее разрешение каждому из подсудимых. О числе приговоренных к расстрелянию предварительно сообщить военному генерал-губернатору, дабы заблаговременно заготовить белые рубахи для тех лиц, которые приговорены к смертной казни.

Весьма желательно, чтобы все было готово так, чтобы обряд мог быть исполнен в будущий четверг; о сем по сношении с генерал-аудитором меня уведомить нынче же вечером, сколь бы поздно ни было.

Князь Чернышев

20 декабря 1849 г.

II

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

20 декабря 1849 г.

№ 270

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству
Командующему Гвардейским и Гренадерским корпусами.

Государю императору угодно, чтобы высочайшая конфирмация над преступниками, сужденными по известному Вашему высочеству злоумышлению, была приведена в исполнение на Семеновском плац-парадном месте, пред батальонами лейб-гвардии: Егерского и Московского и дивизионном конно-гренадерского полков, под начальством командующего Гвардейским пехотным корпусом генерал-адъютанта Сумарокова.

Высочайшую волю сию имею честь довести до сведения Вашего императорского высочества с тем, не будет ли угодно сделать благовременно распоряжение по приготовлении двух батальонов и дивизиона означенных полков.

О времени вывода сих войск в строй, как и о самой высочайшей конфирмации, Ваше высочество изволите получить особое извещение.

Подписал: Военный министр князь Чернышев

Скрепил: Дежурный генерал Игнатьев

Верно: Старший секретарь К. Головач

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ 4, СТОЛ 1.

20 декабря 1849 г.

№ 120.

Весьма секретно.

Милостивый государь,
Павел Николаевич.

Вследствие словесного объяснения с Вашим превосходительством, имею честь препроводить к Вам, милостивый государь, список преступников, назначенных, по высочайшей его императорского величества конфирмации, к отсылке в арестантские роты инженерного ведомства и к определению на службу рядовыми в Оренбургский и Кавказский корпуса.

В какие именно крепости и полки могут быть назначены поименованные в списке преступники — не угодно ли сделать распоряжение Вашему превосходительству, ибо особого высочайшего назначения о сем нет.

К ссылке в каторжную работу назначено девять человек.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

(подпись)

На долях помета: «Его превосх-ву П. Н. Игнатьеву».

IV

СПИСОК

лицам, назначенным по высочайшей конфирмации государя императора к отсылке в арестантские роты Инженерного ведомства и к отправлению на службу рядовыми в Оренбургский и Кавказский отдельные корпуса.

№	Звание и фамилии	Куда назначены
1.	Студент С.-Петербургского университета Павел Филиппов. 26 лет.	На четыре года в военные арестанты, а потом рядовыми на Кавказ.
2.	Кандидат университета Дмитрий Ахшарумов. 26 лет.	
3.	Служивший в Азиатском департаменте министерства иностранных дел переводчиком коллежский советник Константин Дебу 1-й. 38 лет.	На четыре года в военные арестанты, а потом в рядовые.
4.	Служивший в том же департаменте коллежский секретарь Дебу 2-й. 25 лет.	В военные арестанты на два года, а потом рядовым.
5.	Состоявший чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, титулярный советник Константин Тимковский. 34 лет.	В арестантские роты на шесть лет.
6.	Московский мещанин Петр Шапошников. 28 лет.	В арестантские роты на шесть лет, а потом рядовым в Оренбургский линейный батальон.

не непременно высочайшей конфирмации над содержащимися в С.-Петербургской крепости преступниками.

Вследствие сего и принимая во внимание, что в бумаге от меня государю императору с объявлением последовавшей высочайшей конфирмации сказано, что обряд для исполнения оной последует 22-го или 23-го числа сего м-ца, я считаю нужным, для предупреждения всякого недоразумения, написать бумагу к его высочеству с объявлением, что по особому высочайшему повелению сей обряд должен быть непременно исполнен завтра 22 декабря в 9 часов утра.

При сем прошу, чтобы все с нашей стороны было исполнено в совершенном порядке. 21 Декабря 1849 года

О чем сообщаем кому следует.

Князь Чернышев

VI

Вместе с повелением Вашего императорского величества исполнить высочайшую конфирмацию, последовавшую на доклад генерал-аудиториата по делу о злоумышленниках завтрашний день, я получил от военного министра предписание с изъяснением решения по сему предмету.

Возложив на С.-Петербургского коменданта исполнение завтрашний день непременно высочайшей конфирмации над упомянутыми преступниками, имею счастье всеподданнейше донести о том Вашему императорскому величеству.

21 декабря 1849 г.

VII

Предположение для проведения в исполнение высочайшей конфирмации.

1. На Семеновском парадном месте на середине перед валом устроить возвышенное место, в сажень вышиной и в квадрат 4 сажен. площадку.

2. Вокруг сей площадки расположить войска лицом к оной.

3. Преступников в день исполнения конфирмации привести к месту казни в присвоенных им мундирах, но, как арестованных, без шпаг, передав оные заблаговременно в распоряжение второго С.-Петербургского коменданта.

4. 23 декабря сего года к 12 часам полудня привезти на место казни на Семеновское парадное место преступников в каретах под прикрытием:

а) Имея впереди один взвод от С.-Петербургского гарнизонного батальона, при каждой карете с обеих сторон по конному жандарму от здешнего жандармского дивизиона.

б) Позади последней кареты один взвод от гарнизонного же батальона.

в) Впереди первого взвода плац-адъютант верхом.

5. Отряд с преступниками подъезжает к самой площадке, где, высадив, встречает их священник во всем погребальном облачении с крестом и св. евангелием в руках, окруженный конвоем, провожает преступников мимо всей линии войск и вводит их на площадку.

6. На площадке преступники устанавливаются кругом оной, где им читается высочайшая конфирмация обер-аудитором, и в то же время в войсках вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуются на караул, после чего барабанщики всех войск бьют три дроби, затем адъютанты перед каждой частью войск читают ту же конфирмацию.

7. По прочтении конфирмации командуются на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и при барабанном бое, который продолжается до окончания казни, скидаются мундиры и надеваются на преступников белые длинные рубахи. Священник дает им благословение и удаляется, потом преступники становятся на колена, и палач над головами их переламывает шпаги.

8. После чего главный начальник войск приводит в исполнение высочайшую конфирмацию.

9. Потом надевается на них арестантское одеяние и, заковав тут же в ножные кандалы, отправляются с места казни при конном жандармском конвое, имея при каждой повозке по два жандарма с плац-адъютантом, до заставы.

(подпись).

20 декабря 1849 г.

VIII

СВОДА ВОЕННО-УГОЛОВНОГО УСТАВА ЧАСТИ V КНИГИ II.

В статье 501, между прочим, сказано:

Пункт 3. На месте казни заблаговременно готовится утвержденный в земле столб, за коим вырывается яма.

Пункт 10. Пятнадцать рядовых при одном унтер-офицере, приближаются к столбу, имея заряженные ружья, и, не подходя пятнадцати шагов, останавливаются, прикладываются и стреляют, целя в грудь, дабы смерть была нанесена преступнику мгновенно.

Пункт 11. Сия команда подходит так, чтобы преступник не слышал ее приближения, останавливается, изговаривается, прикладывается и стреляет не по команде, но по знаку унтер-офицера рукой.

Статья 502.

Когда преступник будет осужден к смертной казни повешением, то пред совершением этой казни подвергается он шельмованию. Обряд шельмования состоит в том, что у офицеров снимается мундир и переламывается над головой шпага.

IX

Предположение по каким улицам везти преступников: 1-е. Из крепости через Неву на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское парадное место.

2-е. Или же чрез Васильевский остров, Исаакиевский мост, по Гороховой, на Семеновское парадное место.

X

На утверждение Вашей светлости имею честь представить: проект приведения в исполнение приговора над злоумышленниками, исправленный, согласно приказанию Вашему, и два отношения: к его высочеству командующему гвардейским и гренадерским корпусами и к С.-Петербургскому военному генерал-губернатору.

Для пояснения, имею честь почтительнейше испрашивать разрешения Вашей светлости: надлежит ли ломать шпаги над всеми осужденными к казни, или над теми только девятью преступниками, которые ссылаются в каторгу.

В случае повеления сломать шпаги и над назначенными в арестантские роты и в солдаты, надлежит ли исполнить этот обряд над Европеусом (отставным коллежским секретарем), который лишается чинов и определяется рядовым в Кавказские линейные батальоны без лишения дворянства.

Генерал-адъютант *Игнатъев*

21 декабря 1849 г.

XI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

21 декабря 1849 г.

№ 986.

Весьма секретно.

Его превосходительству

А. М.

Ноинскому.

Милостивый государь Адам Иванович.

Господину военному министру угодно, чтобы по предмету объявления приговора над осужденными злоумышленниками были заготовлены исполнительные бумаги двояко:

В одних — был бы изложен приговор, подлежащий объявлению преступникам прежде исполнения обряда казни. Объявление этого приговора, как и исполнение обряда, было бы возложено на С.-Петербургского коменданта.

В других — было бы изображено смягчение участи, каждому из осужденных дарованное. Всемилостивейшее снисхождение это было бы объявлено генерал-адъютантом Сумароковым.

Бумаги по сему предмету князь Александр Иванович [Чернышев] изволит требовать сегодня, сколь поздно ни были бы доставлены.

Поспешая уведомить об этом Ваше превосходительство и сим исполняя поручение его светлости, покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Подписал: Павел Игнатьев

Верно: Старший секретарь Н. Головач

XII

Проект приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

На Семеновском парадном месте, против середины вала, устроить возвышенную площадку в четыре квадратных сажени и в сажень вышины.

Вокруг площадки расположить войска, лицом к оной.

22 сего декабря, в полдень, привезти преступников в каретах к месту исполнения приговора, в той одежде, какая на них имеется.

Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от Жандармского дивизиона.

Следовать из крепости чрез Неву на Гагаринскую пристань, по набережной до арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское парадное место.

При каждом экипаже с обеих сторон быть по одному конному жандарму от здешнего жандармского дивизиона. Впереди первого взвода езжать плац-адъютанту верхом.

Преступников подвезти к самой площадке. Там, по выходе из экипажей, встретить их священнику в погребальном облачении с крестом и св. евангелием и, окруженному конвоем, провести их по фронту, потом на площадку.

По установлении преступников на площадке в войсках вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуются на караул, барабанщики бьют три дроби, и читается приговор.

По прочтении командуются на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и, при барабанном бое, надеваются на преступников белые длинные рубахи. Священник дает благословление и удаляется. Палачи переламывают над преступниками шпаги.

После сего приводится в исполнение высочайшая конфирмация.

По исполнении надевается на преступников теплая одежда; подлежащие закованию в кандалы заковываются и все отправляются по назначению за караулом, в сопровождении конных жандармов, до заставы.

20 декабря 1849 г.

XIII

Для совершения обряда казни над преступниками, осужденными на смерть, к исполнению высочайшей воли о смягчении участи их, подлежат разрешению следующие вопросы:

Обряд казни.

Свод военных постановлений тома 5-го ст. 501.

Пред совершением обряда расстреливания заблаговременно готовится утверченный в земле столб, за коим вырывается яма.

Испрашивается разрешение.

Для одновременного совершения обряда казни над несколькими преступниками приготовить ли столбы.

Для каждого преступника, — или устроить один столб на возвышении и подвести их всех к одному столбу, и вырыть ли ямы.

(На плац-парадном месте, где назначено исполнение приговора, осужденные на казнь ни в каком случае не подлежали бы погребению.).

Когда войско выстроится, один из священников, во всем погребальном облачении, с крестом и евангелием в руках, окруженный конвоем, провожает преступников мимо всей линии на середину ее.

В батальонах вызываются обер- и унтер-офицеры на середину и командуют на караул. К преступнику подходит обер-аудитор и читает приговор. Пред каждым батальоном читают громко приговор адъютанты. При начатии чтения барабаны бьют три дроби для обращения общего внимания. По прочтении командуются на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места.

Потом, при барабанном бое, надевается на преступника белая длинная рубаха, священник дает ему благословление и удаляется.

Конвойные завязывают преступнику глаза, отводят его к столбу и привязывают к оному.

Завязывать ли осужденным преступникам глаза.

Привязывать ли к столбу, — и

«Обряд сей предполагается выполнить буквально».

15 рядовых, при унтер-офицере, приближаются к столбу, имея заряженные ружья, и, не доходя 15 шагов, останавливаются.

Подводить ли к ним нижних чинов с заряженными ружьями или

Совершение обряда казни над ними кончить подведением их к столбу.

Примечание: Пред совершением казни повешанием у преступников (офицеров) снимается мундир и переламывается над головой шпага. При расстрелянии обряд сей законом не предписан.
21 декабря 1849 г.

XIV

Список с высочайше утвержденного проекта приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

На Семеновском плац-парадном месте, против середины вала, поставить три столба, на возвышении в аршин. Ям не рыть.

Возле них расположить по батальону лейб-гвардейского Егерского и Московского полков и дивизион лейб-гвардейского конно-гренадерского полка.

22 сего декабря, в 9 часов утра, привезти к тому месту преступников в каретах. Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от С.-Петербургского жандармского дивизиона. Ехать рысью из крепости, чрез Неву, на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское плац-парадное место.

При каждом экипаже с обеих сторон быть по одному конному жандарму, а впереди поезда — плац-адъютанту верхом.

Преступников подвести к самым войскам. По выходе из экипажей встретить их священнику в погребальном облачении, с крестом и св. евангелием и, окруженному конвоем, провести по фронту и потом пред середину войск.

По остановлении пред войсками вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуются на караул, барабанщики бьют три дроби, и читается приговор по уставу.

По прочтении командуются на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и, при барабанном бое, совершается обряд. У дворян снимается мундирная одежда и переламываются над головой шпаги, собственно у тех, которые назначены в каторжную работу.

Потом на всех преступников надеваются белые длинные рубахи (с ручика Пальма мундира не снимать, шпаги над ним не ломать и длинной рубахи на него не надевать). Священник дает благословение и удаляется.

К столбам подводятся преступники: Петрашевский, Момбелли и Григорьев, с завязанными глазами. По привязании преступников сих к столбам подходят к каждому из них на 15 шагов 15 рядовых, при унтер-офицерах, с заряженными ружьями. Прочие преступники остаются при конвойных.

После сего приводится в исполнение высочайшая конфирмация.

По исполнении надевается на преступников теплая одежда. Петрашевский заковывается в кандалы и, с места объявления приговора, отправляется с жандармом и фельдъегерем по назначению. Прочие преступники возвращаются в крепость и рассылаются по особому распоряжению.

Все вообще распоряжения по доставлению преступников из крепости, совершению над ними обряда казни и отправлению с места объявления приговора возлагаются на личную обязанность с.-петербургского коменданта.

Исполнение затем высочайшей конфирмации его величество изволил предоставлять лично генерал-адъютанту Сумарокову.

Дежурный генерал главного штаба его императорского величества, генерал-адъютант *Игнатьев*

21 декабря 1849 г.

XV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

21 декабря 1849 г.

№ 989

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству

Командующему гвардейским и гренадерским корпусами.

Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы приговор над осужденными злоумышленниками был исполнен на Семеновском плац-парадном месте завтра 22 декабря в 9 часов утра.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография конца 1850-х гг.

Музей им. Достоевского, Москва

Об этой высочайшей воле поспешаю предварительно довести до сведения Вашего императорского высочества, в дополнение отношения № 270, собственно для распоряжения по приготовлению войск, в строю быть должностующих.

Подписал: Военный министр князь Чернышев
Скрепил: Дежурный генерал Игнатьев
Верно: Старший секретарь Н. Головач

XVI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

21 декабря 1849 г.

№ 993

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству
Командующему гвардейским и гренадерским корпусами.

Поспешаю препроводить при сем к Вашему императорскому высочеству, для надлежащего распоряжения, список с высочайше утвержденного проекта приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

Государю императору угодно, чтобы этот приговор был исполнен в назначенный час завтра 22 декабря, безоговорочно.

Список с препровождаемого проекта посылается вместе с сим к с.-петербургскому военному генерал-губернатору для распоряжения с его стороны по приготовлению столбов, доставлению преступников, наряду конвойных жандармов и священника и вообще по совершению предписанного обряда. Исполнение по выводу войск и объявлению генерал-адъютантом Сумароковым высочайшей конфирмации, известной уже Вашему императорскому высочеству из отношения моего по аудиторiatскому департаменту, зависит от распоряжения Вашего императорского высочества.

Подписал: Военный министр князь Чернышев
Скрепил: Дежурный генерал Игнатьев
Верно: Старший секретарь Н. Головач

XVII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

21 декабря 1849 г.

№ 996

Весьма секретно.

Господину коменданту
С.-Петербургской крепости.

Дежурного генерала Главного штаба его императорского величества.

РАПОРТ

По высочайшему государю императора повелению завтра должен быть приведен в исполнение приговор над осужденными злоумышленниками, содержащимися в С.-Петербургской крепости.

По поручению господина военного министра, препровождая при сем список преступникам, над коими приговор сей должен совершиться, и спи-

сок с высочайше утвержденного на этот случай проекта, имею честь при-
совокупить, что надлежащие по сему предмету распоряжения сообщены
С.-Петербургскому военному генерал-губернатору.

Об отправлении осужденных преступников по исполнению приговора
Ваше высокопревосходительство изволите получить особое извещение.

По встреченной надобности, имею честь просить покорнейше сооб-
щить мне, сегодня, подробное описание примет преступника Петрашев-
ского, а завтра доставить таковое мне сведение о прочих, поименованных
в прилагаемом списке и о содержащихся в крепости Черносвитове и Ка-
тенева.

Подписал: генерал-адъютант *Игнатъев*

Скрепил: Управляющий канцелярией старший адъютант полковник
Соболевский

Верно: Старший секретарь *Головач*

XVIII

Господину военному министру.

С.-Петербургского военного генерал-губернатора

РАПОРТ

Имею честь донести Вашей светлости, что высочайше утвержденная
на докладе генерал-аудиториата конфирмация, изъясненная в отношениях
ко мне 21 декабря за № 125 и 127, над злоумышленниками исполнена сего
числа в 9 часов утра на Семеновском плаце и из числа преступников ти-
тулярный советник Буташевич-Петрашевский, по лишении всех прав со-
стояния, отослан закованным в каторжную работу, а прочие возвращены
в С.-Петербургскую крепость.

Генерал от инфантерии (подпись)

№ 22586

22 декабря 1849 г.

XIX

Господину военному министру

Коменданта Санктпетербургской крепости, генерал-адъютанта Набокова

РАПОРТ

Содержавшиеся в Санктпетербургской крепости преступники, во испол-
нение высочайшей его императорского величества конфирмации, по исклю-
чению из списков об арестантах сего числа вечером отправлены: Дуров, До-
стоевский и Ястржембский—в Тобольск закованные с поручиком фельдъ-
егерского корпуса Прокофьевым при трех жандармах; Плещеев в Оренбург
с прапорщиком фельдъегерского корпуса Лейтиром и Ахшарумов в Херсон
с прапорщиком фельдъегерского корпуса Вирандером при жандарме.

О чем Вашей светлости донести честь имею.

Генерал-адъютант *Набоков*

№ 521

24 декабря 1849 г.

2. ССЫЛКА И КАТОРГА

I

ТОБОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ
О ССЫЛЬНЫХ

ОТДЕЛЕНИЕ 1.

Донесение.
О доставленных в То-
больск преступниках
Дурове, Достоевском и
Ястржембском.
Января 10 дня 1850 г.
№ 35.

Дежурному генералу главного штаба
его императорского величества господину генерал-
адъютанту и кавалеру Игнатьеву.

Вашему превосходительству приказ о ссыльных
честь имеет донести, что при отношении вашего пре-
восходительства от 24 минувшего декабря № 1031,
сего января 9 числа фельдъегерем поручиком Про-
кофьевым, преступники, следующие в каторжную
работу: в крепостях Сергей Дуров и Федор Достоевский, и на заводах Иван
Ястржембский, доставлены в приказ о ссыльных, в чем и выдана фельдъегерю
поручику Прокофьеву квитанция за № 29, о назначении же приказом о
ссыльных помянутых преступников куда именно и о времени отправки их,
приказ о ссыльных вашему превосходительству донесет особо.

Управляющий Павел *Кравчуновский*

Заседатель (подпись)

В должности заседателя (подпись)

II

КВИТАНЦИЯ

Дана сия из Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерю поручику
Прокофьеву в том, что следующие при отношении господина дежурного ге-
нерала главного штаба его императорского величества генерал-адъютанта
Игнатьева, от 24 декабря 1849 года за № 1031, преступники: Сергей Дуров,
Федор Достоевский и Иван Ястржембский приняты приказом о ссыльных сего
девятого января тысяча восемьсот пятидесятого года.

Управляющий Тобольским приказом о ссыльных надворный
советник Павел *Кравчуновский*

Заседатель приказа о ссыльных титулярный советник
(подпись)

В должности заседателя приказа о ссыльных коллежский
регистратор (подпись)

У сего Тобольского
приказа о ссыльных
печать.

III

Секретно.

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру
князю Чернышеву.

Инспектора по инженерной части

РАПОРТ

Отставной коллежский ассесор Сергей Дуров и отставной поручик Федор
Достоевский, по высочайшей конфирмации о злоумышленниках лишены всех

прав состояния и сосланы в каторжную работу в крепостях каждый на четыре года в Омск, где и зачислены в тамошнюю арестантскую № 55 роту 23-го января 1850 г.

Ныне Омский комендант, свидетельствуя о хорошем поведении означенных преступников, покорности и усердия к работам, ходатайствует о переводе их из каторжных в разряд военно-срочных арестантов и об освобождении от ножных желез.

О чем должом считаю представить вашей светлости на благоусмотрение, прилагая при сем статейный о Дурове и Достоевском список.

25 марта 1852 г.
№ 25.

Генерал-майор (подпись)

IV

С.-Петербург
Доклад по инспект. д-ту
военного министерства.
Часть обер-аудитора.
27 марта 1852 г.
№ 54.

По представлению о переводе ссыльнокаторжных Дурова и Достоевского в разряд военно-срочных арестантов с освобождением от ножных желез.

Высочайшего соизволения на это не последовало.

28 марта 1852 г.

Военный министр
(подпись).

Отставные коллежский ассесор Сергей Дуров и поручик Федор Достоевский, за участие в преступных замыслах служившего в департаменте внутренних сношений министерства Иностранных дел титулярного советника Буташевича-Петрашевского, по высочайшей вашего императорского величества конфирмации, в 19-й день декабря 1850 года, последовавшей на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата по военно-судному делу, произведенному по полемому уголовному уложению, лишены всех прав состояния и отосланы в каторжную работу в крепостях на четыре года, с тем, чтобы потом определить их на службу рядовыми.

Вследствие сего, Дуров и Достоевский зачислены в арестантскую № 55 роту, в Омской крепости находящуюся.

Преступления их заключались в следующем.

Дуров, участвуя в преступных замыслах Петрашевского, учредил у себя в квартире собрание для этой цели и покушался распространить сочинения против правительства посредством домашней литографии.

Достоевский, также принимая участие в преступных замыслах, распространял письмо литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушался, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии.

Примеч. При отсылке их и других соучастников в каторжную работу, сообщено, по высочайшему повелению, бывшему генерал-губернатору Западной Сибири, чтобы преступники сии были в полном смысле арестантами, соответственно приговору и что облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства.

Ныне инспектор по инженерной части представил на благоусмотрение ходатайство Омского коменданта, который, свидетельствуя о хорошем поведении Дурова и Достоевского, покорности и усердия к работам, ходатайствует о переводе их из каторжных в разряд военно-срочных арестантов и об освобождении от ножных желез.

Спрашивается в а. Дурову и Достоевскому, до определения их на службу рядовыми, согласно высочайшей конфирмации, остается пробыть в каторжной работе в крепости 1 год 10 месяцев.

Испрашивается разрешение. Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть: преступников Дурова и Достоевского,

во внимание к похвальному о них засвидетельствованию и согласно ходатайству ближайшего их начальства, перевести из каторжных в разряд военно-срочных арестантов, с освобождением от ножных желез.

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

ЧАСТЬ ОБЕР-АУДИТОРА.

3 апреля 1852 г.
№ 443.

О преступниках Дурове
и Достоевском.

Секретно.

Господину инспектору по инженерной части.
Дежурного генерала

РАПОРТ

Изъясненное в отношении вашего высокопревосходительства № 25 ходатайство о переводе преступников, ссылокаторжных арестантской № 55 роты, в Омской крепости находящейся, Сергея Дурова и Федора Достоевского в разряд военно-срочных арестантов, и о допущении облегчительных в отношении к ним мер, повергаемо было на высочайшее государя императора воззрение, но монаршего соизволения на сие представление не последовало.

Об этой высочайшей воле имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Скрепил: в должности обер-аудитора *Меркулов*
Подписал: генерал-адъютант *Игнатъев*
Верно: коллеж. регистр. (подпись)

VI

КОМАНДИРА
ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО
КОРПУСА

14 октября 1853 г.
г. Омск.

№ 6443.

Дежурному генералу главного штаба
его императорского величества, господину
генерал-адъютанту и кавалеру Катенину.

Состоящие в каторжной работе в Омской крепости секретные преступники Сергей Дуров и Федор Достоевский, во исполнение высочайше утвержденной о них конфирмации, последовавшей в 19 день декабря 1850 года, по пробывтии в работе определенного им 4-х летнего срока, должны быть определены на службу рядовыми.

Не имея в виду положительного назначения, куда именно преступники эти должны быть определены на службу по окончании, в 23 день будущего января, определенного им в каторжной работе срока, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить меня уведомлением по сему предмету.

Генерал от инфантерии (подпись)
Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
ПОСЛУЖНОГО СПИСКА
ДОСТОЕВСКОГО
Центрархив, Москва

Имя, имя отчество и фамилия, должность на службе, в каком году, в каком месте, какой службе, в каком звании, какой награды и прочие важные сведения.	Когда на службу поступил, производствъ въ чинъ и производствъ съ службою поощреній, производствъ и поощреній допринятыхъ, въ какомъ производствъ званіи произведенъ, въ какой производствъ чинъ и сколько разъ служилъ на той службѣ.			Во время службы, въ которыхъ случаяхъ отличился и въ какихъ случаяхъ награжденъ, въ какомъ производствъ званіи, въ какомъ производствъ чинѣ и въ какихъ случаяхъ награжденъ, въ какомъ производствъ званіи.	
	Годъ	Мѣсяцъ	Число	Наименованіе награды, ордена, знака отличія	Мѣсяцъ
<i>Григорьевъ Федоръ Михайловичъ сынъ Достоевскій</i>					
<i>Произведенъ въ службу въ чинъ поручика 23 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					
<i>Произведенъ въ чинъ капитана 19 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					
<i>Произведенъ въ чинъ полковника 19 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					
<i>Произведенъ въ чинъ генерал-майора 19 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					
<i>Произведенъ въ чинъ генерал-лейтенанта 19 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					
<i>Произведенъ въ чинъ генерала 19 Января 1854 года въ Омской крепости.</i>					

VII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

23 ноября 1853 г.
№ 1467.

Господину командиру отдельного Сибирского корпуса

О зачислении преступников Дурова и Достоевского рядовыми в войска Сибирского корпуса.

Дежурного генерала главного штаба его императорского величества

РАПОРТ

Государь император по всеподданнейшему докладу отношения вашего высокопревосходительства № 6443, высочайше повелеть соизволил: находящиеся в каторжной работе в Омской крепости, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, Сергея Дурова и Федора Достоевского, по окончании назначенного им четырехлетнего срока пребывания в работе, 23 января будущего 1854 года, зачислить на службу рядовыми в войска отдельного Сибирского корпуса, с оставлением их под строжайшим надзором.

Высочайшую волю сию, по поручению господина военного министра, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, покорнейше прося почтить меня в свое время уведомлением: куда именно означенные преступники будут зачислены на службу.

Подписал: генерал-адъютант Катенин
Скрепил: правитель канцелярии Меркулов
Верно: старший секретарь (подпись)

VIII

ШТАБ ОТДЕЛЬНОГО
СИБИРСКОГО КОРПУСАДЕЖУРСТВО.
ОТДЕЛЕНИЕ 2.22 декабря 1853 г.
№ 8198КОРПУСНАЯ
ШТАБ КВАРТИРА.г. Омск.
№ 25В инспекторский департамент
военного министерства.

Вследствие отзыва господина дежурного генерала главного штаба его императорского величества от 23 минувшего ноября № 1467, за отсутствием и по воле господина корпусного командира, имею честь уведомить инспекторский департамент, что находящиеся в каторжной работе в Омской крепости, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, Сергей Дуров и Федор Достоевский, по окончании назначенного им четырехлетнего срока пребывания в работе (23 января 1854 года) на основании высочайшей воли, будут зачислены рядовыми в Сибирские линейные батальоны: первый № 3, а последний № 7.

Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)
Дежурный штаба офицер, майор (подпись)

3. О ПРОИЗВОДСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО В УНТЕР-ОФИЦЕРЫ.
СТИХОТВОРЕНИЕ «НА 1 ИЮЛЯ 1855 года»

I

3 сентября 1855 г.

Господину военному министру

Командира отдельного Сибирского корпуса

РАПОРТ

При нынешней поездке моей на левый фланг линии и Киргизской степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил мне стихотворение: «На 1 июля 1855 года», которое он просил повергнуть к стопам ее императорского величества вдовствующей государыни императрицы; письмо это по теплоте патриотических чувств обратило на себя особенное мое внимание.

Достоевский, по высочайшей конфирмации, в 19-й день декабря 1849 года из отставных поручиков лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на 4 года за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, по окончании срока каторжной работы он назначен в военную службу рядовым в ноябре 1853 года, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства, и, находясь с того времени в 7 батальоне, постоянно ведет себя и служит хорошо, глубоко раскаиваясь в соделанном преступлении.

Препровождая при сем к вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если изволите признать возможным, исходатайствовать всемиловитвейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаиванье в грубом заблуждении молодости.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*
Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)

№ 4590
г. Омск. 13 августа 1855 г.

II

НА 1-е ИЮЛЯ 1855 ГОДА.

Когда настала вновь для русского народа
 Эпоха славных жертв двенадцатого года,
 И матери, отдав царю своих сынов,
 Благословили их на брань против врагов,
 И облилась земля их жертвенною кровью,
 И засияла Русь геройством и любовью,
 Тогда раздался вдруг твой тихий, скорбный стон,
 Как острие меча проник нам в душу он,
 Бедою прозвучал для русского тот час.
 Смутился исполин и дрогнул в первый раз.

Как гаснет ввечеру денница в синем море, —
 От мира отошел супруг великий твой.
 Но веровала Русь, и в час тоски и горя
 Блеснул ей новый луч надежды золотой...
 Свершилось, нет его! Пред ним благоговей,
 Устами грешными его назвать не смею.
 Свидетели о нем — бессмертные дела.
 Как сирая семья, Россия зарыдала;
 В испуге, в ужасе хладея замерла;
 Но ты, лишь ты одна, всех больше потеряла!

И помню, что тогда, в тяжелый, смутный час,
 Когда достигла весть ужасная до нас,
 Твой кроткий, грустный лик в моем воображеньи,
 Предстал моим очам, как скорбное виденье,
 Как образ кротости, покорности святой,
 И ангела в слезах я видел пред собой...
 Душа рвалась к тебе с горячими мольбами,
 И сердце высказать хотелось словами
 И в прах повергнувшись, вдовица пред тобой,
 Прощенье вымолить кровавою слезой.

Прости, прости меня, прости мои желанья;
 Прости, что смею я с тобою говорить.
 Прости, что смел питать безумное мечтанье
 Утешить грусть твою, страданье облегчить.
 Прости, что смею я, отверженец унылый,
 Возвысить голос свой над сей святой могилой.
 Но боже! Нам судья от века и вовек!
 Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,
 И сердцем я познал, что слезы — искупленье,
 Что снова русский я и — снова человек!

Но, думал, подожду, теперь напомнить рано,
 Еще в груди ее болит и ноет рана...
 Безумец! Иль утрат я в жизни не терпел?
 Ужели сей тоске есть срок и дан предел?!
 О! Тяжело терять, чем жил, что было мило,
 На прошлое смотреть, как будто на могилу,
 От сердца сердце с кровью оторвать,
 Безвыходной мечтой тоску свою питать,

И дни свои считать бесчувственно и хило,
Как узник бой часов, протяжный и унылый.

О нет, мы веруем, твой жребий не таков!
Судьбы великие готовит провиденье...
Но мне ль приподнимать грядущего покров
И возвещать тебе твое предназначенье?
Ты вспомни, чем была для нас, когда он жил!
Быть может, без тебя он не был бы, чем был!
Он с юных лет твое испытывал влияние;
Как ангел божий, ты была всегда при нем;
Вся жизнь его твоим озарена сияньем,
Озлащена любви божественным лучом.

Ты сердцем с ним сжилась, то было сердце друга...
И кто же знал его, как ты, его супруга?
И мог ли кто, как ты, в груди его читать,
Как ты его любить, как ты его понять?
Как можешь ты теперь забыть свое страданье!
Все, все вокруг тебя о нем напоминанье;
Куда не взглянем мы — везде, повсюду он!
Ужели ж нет его, ужели то не сон!
О нет! Забыть нельзя, отрада не в забвеньи,
И в муках памяти так много утешенья!!

О, для чего нельзя, чтоб сердце я излил
И высказал его горячими словами!
Того ли нет, кто нас, как солнце, озарил
И очи нам отверз бессмертными делами?
В кого уверовал раскольник и слепец,
Пред кем злой дух и тьма упали наконец!
И с огненным мечом, восстав, архангел грозный,
Он путь нам вековой в грядущем указал...
Но смутно понимал наш враг многоугрозный
И хитрым языком бесчестно клеветал...

Довольно!... Бог решит меж ними и меж нами!
Но ты, страдальца, восстань и укрепись!
Живи на счастье нам с великими сынами
И за святую Русь, как ангел, помолись.
Взгляни, он весь в сынах, могущих и прекрасных;
Он духом в их сердцах, возвышенных и ясных;
Живи, живи еще! Великий нам пример,
Ты приняла свой крест безропотно и кротко...
Живи ж участницей грядущих славных дел,
Великая душой и сердцем патриотка!

Прости, прости еще, что смел я говорить,
Что смел тебе желать, что смел тебя молить!
История возьмет резец свой беспристрастный,
Она начертит нам твой образ светлый, ясный;
Она расскажет нам священные дела;
Она исчислит все, чем ты для нас была.
О, будь и впредь для нас, как ангел провиденья!
Храни того, кто нам ниспослан на спасенье!
Для счастья его и нашего живи
И землю русскую, как мать, благослови.

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА

По секретной части.
В С.-Петербурге
9 сентября 1855 г.

№ 750.

Секретно.

12 сентября 1855 г.

В инспекторский департамент
военного министерства.

С препровождением рапорта командира отдельного Сибирского корпуса № 4590, стихотворения рядового Достоевского и справки из секретных дел канцелярии военного министерства.

Командир отдельного Сибирского корпуса, представляя стихотворение на «1 июля 1855 года» рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного из отставных инженер-поручиков по высочайшей конфирмации 1849 г. за прикосновенность его к делу преступника Буташевича-Петрашевского, просит о производстве рядового Достоевского в унтер-офицеры.

Вследствие того канцелярия Военного министерства имеет честь препроводить при сем для рассмотрения представление генерала от инфантерии Гасфорта по этому предмету от 13 числа истекшего августа за № 4590 и стихотворение Федора Достоевского, а также справку из секретных дел канцелярии о степени прикосновенности этого рядового к делу преступника Буташевича-Петрашевского, покорнейше прося инспекторский департамент о последующем разрешении такового представления командира отдельного Сибирского корпуса уведомить канцелярию министерства в свое время для надлежащего сведения.

Управляющий канцелярией (подпись)
Полковник Дубенский

IV

Весьма секретно.

Справка из секретных дел канцелярии военного министерства.

Достоевский (Федор, имевший в 1849 г. 27 лет), из дворян¹. Отставной инженер-поручик. Поступил в кондукторскую роту главного инженерного училища кондуктором в январе 1838 г.; произведен в офицеры в августе 1841 года с оставлением в училище для продолжения наук в офицерских классах; произведен по экзамену в подпоручики в августе 1842 года, выпущен из училища с назначением в чертежную инженерного департамента в августе 1843 года, а в октябре 1844 года уволен от службы в отставку с чином поручика.

По показанию Достоевского, он занимался литературою, участвуя в некоторых журналах.

По донесению агента, Федор Достоевский был на собраниях у Буташевича-Петрашевского 1 и 15 апреля 1849 года. На первом собрании рассуждалось о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян, а на собрании 15 апреля сам Достоевский читал переписку литераторов Гоголя и Белинского, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит в неприличных и дерзких выражениях о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это заслужило

восторженное одобрение общества, и положено было распустить оное в нескольких экземплярах.

Это донесение подтвердили Ахшарумов, Тимковский, Ястржембский и Филиппов, который притом показал, что означенную переписку он списал с рукописи Достоевского, получив ее от него при просьбе хранить в секрете, а впоследствии взял обе рукописи себе.

Сверх того, в отношении действий Достоевского показали:

Студент Филиппов, что Достоевский посещал вечера Дурова, на которых, между прочим, Момбелли читал рассуждение о том, что все они, более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей, должны теснее сблизиться между собою, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, вменяя себе в обязанность распространять свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. В другой же раз он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего» сочин. Ламене, а Достоевский — переписку Гоголя с Белинским, и когда присутствовавшие пожелали иметь с этой рукописи списки, то предложено было завезти домашнюю литографию; но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна.

Спешив, что на обеде у него, в то время, когда Григорьев читал статью преступного содержания под названием «Солдатская беседа», в числе прочих был и Достоевский и что кроме того Достоевский посещал и вечера Плещеева, на которых была читана юмористическая статья под заглавием «Петербург и Москва» и рассуждалось о возможности печатать за границей запрещенные книги.

Дуров и Пальм, что Достоевский в бытность на вечерах Дурова, читал переписку Белинского и Гоголя; о других же действиях его они не объясняют.

При следствии Достоевский показал, что он никогда не был в коротких отношениях с Буташевичем-Петрашевским, хотя и бывал у него по пятницам; равно и Петрашевский, в свою очередь, делал ему посещения. Впрочем он, Достоевский, бывал на вечерах Петрашевского не столько для него, сколько для встречи с некоторыми людьми, которых видел очень редко и которые нравились ему. Его всегда поражали странности в характере Петрашевского, и он, Достоевский, слышал несколько раз мнение, что у Петрашевского больше ума, нежели благоразумия. Достоевский же, рассматривая Петрашевского с политической стороны, заметил в нем последовательность только одной системе Фурье, и это именно, по его мнению, мешает Петрашевскому смотреть на вещи самобытным взглядом и иметь какую-нибудь свою определенную систему в суждении или определенный взгляд на политические события. Что касается до общества, собиравшегося у Петрашевского по пятницам, то в нем он, Достоевский, не встретил никакого единства, никакого направления или общей цели и положительно может сказать, что нельзя было найти там трех человек, согласных в каком-нибудь пункте на любую заданную тему. От этого происходили споры друг с другом, вечные противоречия и несогласия в мнениях; при чем в некоторых из этих споров принимал участие и он, Достоевский. Он говорил у Петрашевского три раза: два — о литературе и один раз о предмете вовсе не политическом: «о личности и человеческом эгоизме» и не припомнит, чтоб было в словах его что-нибудь политическое и вольнодумное. Далее Достоевский объяснил, что если его обвиняют в том, что он говорил о политике, о западе, о цензуре и пр., то кто же не говорил и не думал в наше время об этих вопросах?

Относительно статьи «Переписка Белинского с Гоголем», Достоевский объяснил, что прочно читал ее на одном из вечеров Петрашевского, но при этом в суждениях его и даже в интонации голоса или жесте во время чтения

не было ничего, способного высказать пристрастие к которому либо из переписывавшихся. Письмо Белинского написано слишком странно, чтобы возбудить к себе сочувствие; оно наполнено ругательствами; написано желчно и потому отвращает сердце. Читал же оно, как замечательнейший литературный памятник, будучи уверен, что это письмо не может привести никого в соблазн.

При арестовании Достоевского в бумагах его были найдены:

1. Письмо к нему от Плещеева, присланное из Москвы, в котором Плещеев поручал Достоевскому передать поклон всем, кто бывал по субботам у Дурова, и упоминал о впечатлении, произведенном пребыванием императорской фамилии в Москве.

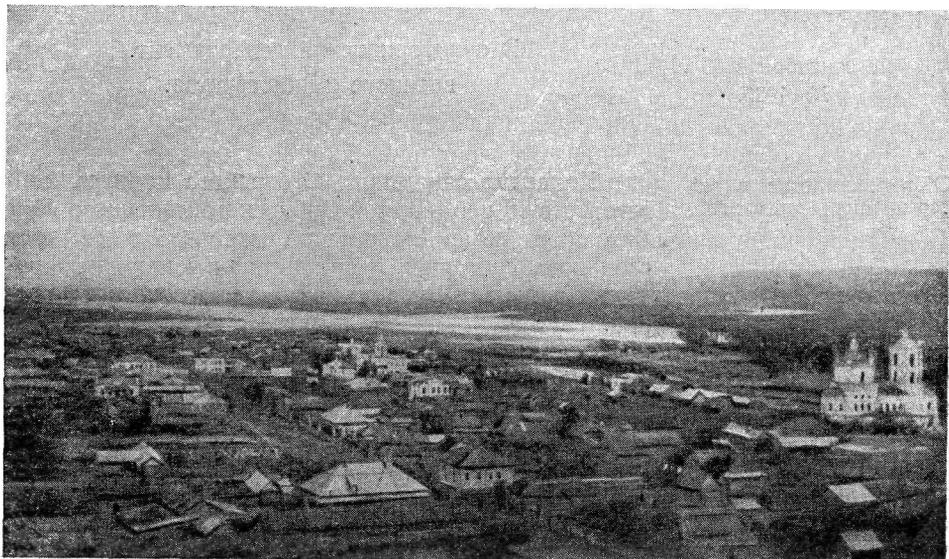
2. Записка от Белинского, заключающая в себе приглашение Достоевского в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком—и

3. Две запрещенные книги под заглавием: одна—*Le Berger de Kravan*², а другая—*La célébration du dimanche*³.

Достоевский показал, что о записке Белинского, заключающей в себе приглашение его в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком, он решительно не может припомнить, а вероятно она написана была в первые дни знакомства с Белинским, который если и приглашал его куда-нибудь, то не на собрание, а в гости к какому-нибудь литератору. Запрещенные же книги взяты им от знакомых.

В заключение своих показаний в следственной комиссии Достоевский объяснил, что весь либерализм его состоял в желании всего лучшего своему отечеству. Это желание началось с тех пор, как он стал понимать себя, и росло в нем более и более, но никогда не переходило за черту невозможного. Вместе с тем Достоевский старался доказать, что он желал улучшений и перемен и сетовал о многих злоупотреблениях, но вся основа его политической мысли была — ожидать этих перемен от самодержавия.

В военном суде Достоевский, подтверждая прежние свои показания, к оправданию своему присовокупил, что он никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства, что все сделанное им было

ВИД ГОРОДА СЕМИПАЛАТИНСКА

Фотография конца 1850-х гг.
Музей им. Достоевского, Москва

необдуманно, а многое сделано почти нечаянно, как, например, чтение письма Белинского, что если он когда-нибудь сказал что-либо свободно, то разве в кругу близких людей, которые могли понять его и знали, в каком смысле он говорил, и что распространения своих мнений он всегда избегал.

Отставной инженер-поручик Федор Достоевский за участие в преступных замыслах, распространение одного частного преступного содержания письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против правительства был предан суду по полевому уголовному уложению в особой военно-судной комиссии.

Военным судом и заключением генерал-аудиториата определено: Федора Достоевского за прописанные преступления подвергнуть смертной казни расстрелянием.

По прочтении приговора суда, при сборе войск и по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, Федору Достоевскому объявлено, что государь император дарует ему жизнь и высочайше повелеть соизволил вместо смертной казни, лишив всех прав состояния, сослать на четыре года в каторжную работу в крепостях и по истечении означенного срока определить рядовым.

Полковник *Дубенской*

¹ В бумагах военного министерства имеется особое сообщение герольдии от 29 ноября 1839 г. на запрос инспекторского департамента от 19 мая 1838 г. «о происхождении недоросля Федора Достоевского» с указанием, «что означенного недоросля Федора Достоевского считать из дворян следует».

² Сочинение Еврения Сю с подзаголовком: «Entretiens socialistes».

³ Автор — Прудон.

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

Секретно.

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

22 сентября 1855 г.
№ 1025.

В аудиториатский департамент
военного министерства.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

Командир отдельного Сибирского корпуса, свидетельствуя, что рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский, лишенный в 1849 году всех прав состояния и сосланный в каторжную работу, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, со времени поступления в военную службу ведет себя и служит хорошо и раскаивается глубоко в соделанном преступлении, ходатайствует о производстве его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаивание в грубом заблуждении молодости.

Инспекторский департамент, препровождая при сем в аудиториатский департамент отношение по сему предмету канцелярии военного министерства за № 750 и справку из секретных дел оной, имеет честь покорнейше просить почтить уведомлением с возвращением приложений, какое облегчение участи может быть даровано рядовому Достоевскому на основании всемирно-любивейшего манифеста, объявленного в приказе господина военного министра от 27 марта сего года за № 68, т. е. следует ли предоставить ему только права выслуги, так как он был лишен прав состояния, или же Достоевский

может быть представлен на основании сего манифеста к производству в унтер-офицеры.

Подписал: Исполняющий должность вице-директора полковник
граф *Сиверс*

Скрепил: Помощник начальника отделения *Дмитриев*
Верно: Кол. рег. (подпись)

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

Секретно.

ОТДЕЛЕНИЕ 1, СТОЛ 1
24 сентября 1855 г.
№ 88.

В инспекторский департамент
военного министерства.

Вследствие отношения инспекторского департамента от 22 сего сентября за № 1025, аудиториацкий департамент имеет честь уведомить, что рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский в 1849 году разжалован по высочайшей конфирмации из поручиков, но при этом не было сказано, чтобы его разжаловать без выслуги, а как ныне командир отдельного Сибирского корпуса, генерал от инфантерии Гасфорт, ходатайствует о производстве Достоевского в унтер-офицеры для поощрения его за отлично-усердную службу, доброе поведение и непритворное раскаяние в заблуждении своем, то, по мнению департамента, нет препятствия к удовлетворению этого ходатайства, на основании 7 п. высочайшего повеления 27 марта сего года.

Доставленные инспекторским департаментом по сему делу бумаги при сем возвращаются.

Генерал-аудитор (подпись)
За начальника отделения—*Гонсеровский*

VII

ДОКЛАД
ПО ИНСПЕКТОРСКОМУ
ДЕПАРТАМЕНТУ
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

27 октября 1855 г.
№ 332.

О производстве
в унтер-офицеры
рядового Досто-
евского.

18 ноября 1855 г.
Всемилюстивейше пове-
лено: рядового Досто-
евского произвести в
унтер-офицеры [и сочи-
ненные им стихи пре-
проводить к статс-
секретарю Гофману для
представления императ-
рице Александре Феодо-
ровне]*.

Генерал-адъютант
Князь Долгоруков

Командир отдельного Сибирского корпуса изъясняет, что в бытность его в Семипалатинске рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил ему стихотворение «На 1-е июля 1855 года», прося повергнуть оное к стопам ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны. Стихотворение это генерал от инфантерии Гасфорт препроводил в военное министерство, присовокупляя, что оно обратило на себя особенное внимание его по теплоте патриотических чувств.

Вместе с тем генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя, что рядовый Достоевский, лишенный всех прав состояния и сосланный в каторжную работу за участие в преступных замыслах Буташевича-

* Слова, взятые в прямые скобки, крестообразно перечеркнуты.

Петрашевского, со времени поступления в военную службу ведет себя и служит хорошо и раскаивается глубоко в соделанном преступлении, ходатайствует о производстве его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаяние в грубом заблуждении молодости.

Справка.

Достоевский из дворян. Воспитывался в главном инженерном училище. В 1841 году произведен в прапорщики, с оставлением при училище для продолжения курса наук. В 1843-м выпущен подпоручиком на действительную службу в чертежную инженерного департамента. В 1844-м уволен в отставку с чином поручика.

В декабре 1849 года, по высочайше утвержденной конфирмации, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и за покушение к распространению посредством домашней литографии сочинений против правительства, *лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу в крепостях на 4 года с тем, чтобы потом был определен рядовым.* В 1853 году по окончании срока каторжной работы, определен рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства.

Служит год 11 месяцев.

Штрафам на службе не подвергался.

Узаконение.

Обращенные в рядовые, по высочайшей воле, получают повышение за отлично-примерную службу не иначе, как с высочайшего соизволения (Св. воен. пост., т. V, стр. 452).

Во всемиловитейшем манифесте 27 марта 1855 года между прочим сказано: написанных в рядовые без лишения прав состояния и с выслугою дозволить начальству представить к производству в унтер-офицеры, или к производству из унтер-офицеров в первый офицерский чин, если они заслуживают этого хорошим поведением.

Соображение.

Так как Достоевский по высочайше утвержденной, в 1849 году, конфирмации лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу в крепостях на 4 года, с тем, чтобы по окончании сего срока определить его рядовым, и при этом не было сказано, чтобы определить его без выслуги, то к производству рядового сего в настоящее время в унтер-офицеры, согласно представлению ближайшего начальства, свидетельствующего о его добром поведении, усердной службе и непритворном раскаянии, и на основании упомянутого всемиловитейшего манифеста, припятствия не встречается.

Из соучастников Буташевича-Петрашевского, осужденных в 1849 году в каторжную работу в крепостях и определенных потом в военную службу, в унтер-офицеры никто не произведен; но приговоренный к одинаковому с Достоевским наказанию Дуров, пробывший 4 года в каторжной работе и поступивший потом рядовым в Сибирские линейные батальоны, по совершенной неспособности продолжать военную службу, определен, в феврале сего года, канцелярским служителем 4 разряда в областное управление Сибирских киргизов в Омске.

Испрашивается разрешение.

Угодно ли будет изъявить монаршее соизволение на производство в унтер-офицеры рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного в 1849 году из отставных инженер-поручиков за прикосновение к делу преступника Буташевича-Петрашевского,

Повелено ли будет: представляемое при сем стихотворение рядового Достоевского препроводить к статс-секретарю тайному советнику Гофману для представления ее величеству государыне императрице Александре Феодоровне

VIII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

20 ноября 1855 г.

№ 13695

Господину командиру отдельного Сибирского
корпуса.

О производстве
в унтер-офицеры
рядового Досто-
евского.

Государь император, по всеподданнейшему докладу ходатайства вашего высокопревосходительства за № 4590, всемилостивейше повелеть соизволил: рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного в 1849 году, из отставных инженер-поручиков, произвестъ в унтер-офицеры, во внимании к хорошему его поведению и усердной службе.

Об этой высочайшей воле имею честь уведомить ваше высокопревосходительство к зависящему распоряжению.

Подписал: За военного министра генерал-адъютант *Катенин*

Скрепил: Овиты его величества генерал-майор *Герштенцевиг*

Верно: Коллежский секретарь *Ефремов*

23 ноября № 6.

IX

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

28 января 1856 г.

№ 335.

Секретно.

Господину управляющему 3-м отделением собственной его императорского величества канцелярии.

О производстве
в унтер-офицеры
рядового Досто-
евского.

Определенный рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, по окончании срока каторжной работы, за участие в замыслах преступника Буташевича-Петрашевского, Федор *Достоевский*, по ходатайству командира отдельного Сибирского корпуса, всемилостивейшие произведен в минувшем ноябре месяце в унтер-офицеры, о чем инспекторский департамент имеет честь уведомить ваше превосходительство для сведения и присовокупить, что высочайшая воля сия сообщена тогда к исполнению генералу от инфантерии Гасфорту.

Подписал: Исправляющий должность вице-директора
полковник граф *Сиверс*

Скрепил: Исправляющий должность правителя канцелярии *Пятницкий*

Верно: Секретарь (подпись)

X

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ СТОЛ 2.

Секретно

28 января 1856 г.

№ 336.

В канцелярию военного министерства.

О производстве
в унтер-офицеры
рядового Досто-
евского.

Определенный рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, по окончании срока каторжной работы за участие в замыслах преступника Буташевича-Петрашевского, Федор *Достоевский*, по ходатайству командира отдельного Сибирского корпуса, всемилоостивейше произведен в минувшем ноябре месяце в унтер-офицеры, о чем инспекторский департамент имеет честь уведомить канцелярию военного министерства на отношение от 9-го минувшего сентября за № 750, присовокупляя, что высочайшая воля сия сообщена тогда же к исполнению генералу от инфантерии Гасфорту.

Подписал: Исправляющий должность вице-директора полковник
граф *Сиверс*

Скрепил: Исправляющий должность правителя канцелярии

Пятницкий

Верно: Секретарь (подпись)

4. О СТИХОТВОРЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО «УМОЛКЛА ГРОЗНАЯ ВОЙНА»

I

Милостивый государь Николай Онуфриевич!

Исправляющий должность военного губернатора Семипалатинской области полковник Спиридонов представил ко мне, от 19 мая сего года, стихи, сочиненные унтер-офицером Сибирского линейного № 7 батальона Федором Достоевским, написанные по случаю заключения мира и предстоящей священной коронации государя императора. Стихотворение это, по теплоте патриотических чувств, обращает на себя особенное внимание.

Достоевский, по высочайшей конфирмации, в 19-й день декабря 1849 года, из отставных инженер-поручиков, лишен всех прав состояния и сослан был в каторжную работу на 4 года, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского; по окончании срока каторжной работы он назначен в военную службу рядовым, в ноябре 1853 года, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства и, находясь с того времени в Сибирском линейном № 7 батальоне, постоянно ведет себя и служит одобрительно, раскаиваясь в соделанном преступлении.

По ходатайству моему, от 13 августа прошлого 1855 года № 4590, Достоевский за хорошее поведение всемилоостивейше произведен в унтер-офицеры.

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству упомянутое стихотворение, имею честь покорнейше просить повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если признается возможным, исхода-

На 1 июля 1855 года

Когда настала смерть моя Русского народа,
 Тогда счастлива смерть доблестного моя
 И матери стонах Царя своих сына,
 Благодарности мая на гробах против врагов,
 И обмысла велика мая смертельного крови,
 И задела Русь геройства и любви,
 Тогда раздался «буря» Твоей тилии, сгорелый стонах,
 Какъ острі меча проники ишла въ душу моя,
 Бодрую просвучая мая Русского отца моего,
 Спутника исполнишь и прогнуря отъ первого разя.

Какъ гаситъ свету димница въ снѣжномъ мартѣ,
 Отъ мира стонимахъ «буря» Великий Твоей.

ПИСАРСКАЯ КОПИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО
«НА 1 ИЮЛЯ 1855 ГОДА»

Центрархив, Москва

тайствовать высочайшее соизволение на напечатание оногo в одном из петербургских периодических изданий.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть,

вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Густав Гасфорт

Его высокопревосходительству Николаю Онуфриевичу Сухозанету 2-му.
2 июня 1856 г.

Омск.

На полях помета: «Принять к сведению. 27 июня 1856 г. Генерал от артиллерии. Сухозанет».

II

Умолкла грозная война!
 Конец борьбе ожесточенной!..
 На вызов дерзкой и надменный,
 В святыне чувств оскорблена,
 Восстала Русь, дрожа от гнева,
 На бой с отчаянным врагом
 И плод кровавого посева
 Пожала доблестным мечом.

Утучнив кровию святою
 В честном бою свои поля,
 С Европой мир, добытый с боя,
 Встречает русская земля.

Эпоха новая пред нами.
 Надежды сладостной заря
 Восходит ярко пред очами...
 Благослови господь царя!
 Идет наш царь на подвиг трудный
 Стезей тернистой и крутой;
 На труд упорный, отдых скудный,
 На подвиг доблести святой,
 Как тот гигант самодержавный,
 Что жил в работе и трудах,
 И сын царей, великий, славный,
 Носил мозоли на руках!

Грозой очистилась держава,
 Бедой скрепились сердца,
 И дорога родная слава
 Тому, кто верен до конца.
 Царю во след вся Русь с любовью
 И с теплой верою пойдет
 И с почвы, утучненной кровью,
 Златую жатву соберет.
 Не русской тот, кто путь неправый
 В сей час торжественный избрав,
 Как раб ленивый и лукавый
 Пойдет, святыни не поняв.

Идет наш царь принять корону...
 Молитву чистую творя,
 Взывают русских миллионы:
 Благослови господь царя!
 О ты, кто мановеньем воли
 Даруешь смерть или живишь,
 Хранишь царей и в бедном поле
 Былинку нежную хранишь:
 Созиджи в нем дух бодр и ясен,
 Духовной силой в нем живи,
 Созиджи труд его прекрасен
 И в путь святой благослови!

К тебе, источник всепрощенья,
 Источник кротости святой,
 Восходят русские моления:
 Храни любовь в земле родной!
 К тебе, любивший без ответа
 Самих мучителей своих,
 Кто обливал лучами света
 Богохулителей слепых,
 К тебе, наш царь в венце терновом,
 Кто за убийц своих молил,
 И на кресте, последним словом,
 Благословил, любил, простил!
 Своею жизнью и кровью
 Царю заслужим своему;

Исполни ж светом и любовью
 Россию, верную ему!
 Не накажи нас слепотою,
 Дай ум, чтоб видеть и понять
 И с верой чистой и живою
 Небес избранника принять!
 Храни от грустного сомнения,
 Слепому разум просвети
 И в день великий обновленья,
 Нам путь грядущий освети!

5. О ПРОИЗВОДСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО В ПРАПОРЩИКИ

I

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
 АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ 1.

17 сентября 1856 г.

№ 5413.

В инспекторский департамент
 военного министерства.

С препровождением для зависящего распоряжения доклад за № 5215 с объявленным на оном 14 сего сентября г. военным министром высочайшим повелением о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, имеет честь покорнейше просить доклад этот, по миновании надобности, возвратить.

Генерал-аудитор (подпись)
 Начальник отделения (подпись)

II

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
 АУДИТОРИАТСКИЙ

Об испрошении высочайшего соизволения на производство унтер-офицера Достоевского, согласно ходатайству генерал-от-инфантерии Гасфорта, в прапорщики с определением в Сибирский линейный № 7 батальон и с учреждением за ним секретного наблюдения, впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности.

Всемилоостивейше повелено исполнить по ходатайству генерал-от-инфантерии Гасфорта 14 сентября 1856 г. генерал-адъютант Сухозает.

Отставной инженер-поручик Достоевский в 1849 году по высочайшему повелению предан был военному суду в особой комиссии вместе с титулярным советником Буташевичем-Петрашевским и другими лицами и оказался виновным в распространении письма литератора Белинского с дерзкими выражениями против церкви и верховной власти, в покушении распространить, посредством домашней литографии, сочинений против правительства и в бытности при чтении на обеде у бывшего дворянина Спешнева статьи возмутительного содержания под заглавием: «Солдатская беседа».

Высочайшею конфирмациею, последовавшею 19 декабря 1849 года на докладе генерал-аудиториата, повелено: по исполнении над Достоевским, при сборе войск, всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что государь император дарует ему

жизнь; и затем, вместо смертной казни, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на четыре года и потом определить рядовым.

По окончании 4-х летнего нахождения в каторжной работе, Достоевский в декабре 1853 года определен на службу рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, а в ноябре 1855 года, по представлению командира отдельного Сибирского корпуса, во внимание к хорошему поведению и усердию к службе, всемилостивейше произведен в унтер-офицеры.

В июне сего года его императорское высочество генерал-инспектор по инженерной части, во внимание к чистосердечному раскаянию и отличным способностям Достоевского, ходатайствовал о производстве его в прапорщики с назначением на службу в один из полков II армии, дабы дать ему случай загладить свою вину и принести пользу обществу, или если это будет признано неудобным, то об увольнении его от военной службы с чином 14-го класса для определения к статским делам и чтобы в обоих случаях ему дозволено было заниматься литературою с правом печатать свои сочинения на законных основаниях.

По докладу об этом государю императору, его величество изволил разрешить войти с представлением по команде о производстве Достоевского в прапорщики, или об увольнении от службы с чином 14-го класса, если он по настоящему поведению заслуживает монаршего милосердия, а по воследованию на это разрешения учредить за ним секретное наблюдение впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности и затем уже ходатайствовать о дозволении ему печатать свои литературные труды.

Высочайшая воля была сообщена командиру отдельного Сибирского корпуса, и генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя ныне о чистосердечном раскаянии Достоевского в преступлении и о перемене образа мыслей, просит исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на производство его в прапорщики с оставлением на службе в настоящем батальоне и с продолжением еще за ним секретного надзора.

С л у ж б а.

Достоевский из дворян; в службу вступил в 1838 году кондуктором в кондукторскую роту главного инженерного училища; произведен в полевые инженер-прапорщики в 1841 году, в подпоручики — в 1842 году; всего в службе состоял до ссылки в каторжную работу более 6-ти лет, в том числе в офицерском звании более 3-х лет. По освобождении из каторжной работы служил в звании рядового около 2 лет, унтер-офицером — 11 месяцев; в походах не был, особых наград не получал, холост, от роду ему 33 года.

З а к л ю ч е н и е.

Как государь император изволил уже разрешить войти с представлением о производстве унтер-офицера Достоевского в офицеры, если он по поведению будет того заслуживать, а генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя о чистосердечном раскаянии Достоевского и перемене им образа мыслей, ходатайствует ныне о производстве его в прапорщики, с оставлением в Сибирском линейном № 7 батальоне, то не угодно ли будет на производство Достоевского в прапорщики испросить высочайшее государя императора соизволение, с тем, чтобы впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности продолжить за ним секретный надзор, и если поведение его во всех отношениях будет безукоризненно, то войти с особым представлением о дозволении Достоевскому печатать свои литературные труды.

Верно: Коллежский секретарь (подпись)

11 сентября 1856 г.

№ 5215.

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

Копия.

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

26 октября 1856 г.

Статья для внесения в проект
высочайшего приказа.Производство за
отличие по службе.Сибирского линейного № 7 батальона унтер-офи-
цер Достоевский—в прапорщики.Подписал: Исправляющий должность правителя
канцелярии *Пятницкий*Скрепил: За секретаря *Ефремов*Верно: Тит. советник *Ефремов*

Объявлено в высочайшем приказе 1 октября 1856 г.

IV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

30 сентября 1856 г.

№ 1282.

В аудиторiatский департамент
военного министерстваО доставлении сведе-
ния, о распоряжениях
по всеподданнейшему
докладу аудиторiatско-
го д-та, за № 5215.Аудиторiatский департамент военного мини-
стерства при отношении за № 5413 доставил в ин-
спекторский департамент, для зависящего распоря-
жения, всеподданнейший доклад за № 5215 с после-
довавшею по оному, 14 сего сентября, высочайшею
резолуциею о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 ба-
тальона Достоевского в прапорщики.Инспекторский департамент военного министерства, поместив в проект
высочайшего приказа о производстве унтер-офицера Достоевского в прапор-
щики, имеет честь покорнейше просить аудиторiatский департамент, в до-
полнение к означенному отношению № 5413, почтить уведомлением: было ли
сообщено последовавшее высочайшее повеление о производстве Достоевского
в офицеры: его императорскому высочеству генерал-инспектору по инженер-
ной части и командиру отдельного Сибирского корпуса, а равно, объявлено
ли оное, для надлежащего сведения, III отделению собственной его импера-
торского величества канцелярии и канцелярии военного министерства.Подписал: За вице-директора, гвардии полковник *Огарев*Скрепил: И. д. прав. канцелярии *Пятницкий*

Верно: губ. секр. (подпись)

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ 1.

5 октября 1856 г.
№ 5765.Ответ на № 1282 о
прапорщике Достоев-
ском.

Вследствие отношения инспекторского департамента от 30 минувшего сентября, аудиториацкий департамент имеет честь уведомить, что высочайшее повеление о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики сообщено его императорскому высочеству генерал-инспектору чю инженерной части и командиру отдельного Сибирского корпуса; канцелярии же военного министерства и III отделению собственной его императорского величества канцелярии; изъясненное высочайшее повеление будет объявлено для сведения по доставлении инспекторским департаментом высочайшего приказа о производстве Достоевского в прапорщики.

Генерал-аудитор (подпись)

Начальник отделения (подпись)

На полях помета: «получено в главном дежурстве 6-го октября».

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

12 октября 1856 г.
№ 1330.В аудиториацкий департамент
военного министерстваС возвращением все-
подданнейшего доклада
и с приложением экзем-
пляра высочайшего при-
каза.

Инспекторский департамент военного министерства, возвращая, по миновании надобности, всеподданнейший доклад аудиториацкого департамента за № 5215, доставленный при отношении от 17 минувшего сентября за № 5413, имеет честь уведомить что о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики, объявлено в высочайшем приказе, при сем прилагаемом.

Подписал: за Вице-директора гвардии полк. *Огарев*Скрепил: И. д. правителя канцелярии *Пятницкий*

Верно: Губ. секр. (подпись)

VII

Ваше высокопревосходительство, подписав проект отношения к шефу жандармов с изъяснением высочайшего повеления о производстве унтер-офицера, из политических преступников, Достоевского в прапорщики, изволили заметить, что высочайшая воля оставалась без исполнения полтора месяца.

Вследствие сего имею честь почтительнейше доложить вашему высокопревосходительству, что высочайшее повеление о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, полученное в аудиториатском департаменте 17 минувшего сентября, в тот же день было сообщено к исполнению командиру отдельного Сибирского корпуса и инспекторскому департаменту; отношение же к шефу жандармов, которому изъясненная высочайшая воля сообщается только для сведения, по принятому порядку, заготовлено немедленно по получении высочайшего приказа о производстве Достоевского в прапорщики. Приказ этот, как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из представляемого при сем отношении, инспекторского департамента доставлен 15 сего октября.

Генерал-аудитор (подпись)

Начальник отделения (подпись)

23 октября 1856 г.

На полях помета: «желаю знать от чего так поздно объявлено в приказе о Достоевском и оный сообщен в Аудит. Департ. только 13 окт.—23 окт.»

VIII

СПРАВКА

Ваше высокопревосходительство изволили изъявить желание знать: от чего поздно объявлено в высочайшем приказе о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики, и приказ сей сообщен в аудиториатский департамент только 13 сего октября.

Отношение аудиториатского департамента от 17 минувшего сентября за № 5413, с препровождением в инспекторский департамент для зависящего расположения, высочайше утвержденного, 14 того же сентября, доклада о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, получено было на главном дежурстве инспекторского департамента 24 сентября вечером и поступило затем, установленным порядком, через журнальную часть в канцелярию департамента.

26 сентября, по собрании надлежащих справок, статья о производстве Достоевского передана в I отделение департамента для внесения в проект приказа, который и был высочайше утвержден 1 сего октября.

Между тем, так как из отношения аудиториатского департамента за № 5413 не было видно: сделаны ли прочие распоряжения к приведению в исполнение последовавшего о Достоевском высочайшего повеления от 14 сентября, то отношением инспекторского департамента от 30 сентября сообщено было аудиториатскому департаменту о том, что статья о Достоевском внесена в проект высочайшего приказа, и сделан вопрос: были ли уведомлены о последовавшем высочайшем соизволении на производство Достоевского в прапорщики его императорское высочество генерал-инспектор по инженерной части, так как из доклада было видно, что его высочество изволил ходатайствовать в июне сего года о помиловании Достоевского, и командир отдельного Сибирского корпуса, а также сообщено ли о сем, для сведения, III отделению собственной его величества канцелярии и канцелярии военного министерства, в которых ведутся списки о лицах, прикосновенных к происшествию 1849 года.

Аудиториатский департамент, отношением, подписанным 5 октября за № 5765, отвечал: что о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики уведомлены: его высочество генерал-инспектор по инженерной части и генерал-от-инфантерии Гасфорд; канцелярии же военного министерства и III-му отделению собственной его величества канцелярии будет сообщено для сведения по получении высочайшего приказа.

Высочайший приказ 1 октября доставлен был в аудиториа́тский департамент из военной типографии тотчас по отпечатании при общей рассылке оного по департаментам министерства 4-го того же месяца.

Независимо от сего, по списании с высочайше утвержденного доклада о Достоевском копии для оставления при деле инспекторского департамента, подлинный доклад возвращен в аудиториа́тский департамент при отношении от 12 октября за № 1330, с приложением экземпляра высочайшего приказа собственно для хранения при деле о Достоевском.

К сему имею честь присовокупить: что высочайшая воля о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики могла быть сообщена главному начальнику III отделения собственной его величества канцелярии, в то же время, как и генерал-инспектору по инженерной части и командиру отдельного Сибирского корпуса, подобно тому, как о высочайшем повелении, последовавшем 11 сего октября о производстве в прапорщики унтер-офицера Ахшарумова, также прикосновенного к делу преступника Буташевича-Петрашевского, уведомяны, 13 того же октября: главнокомандующий отдельным кавказским корпусом, главный начальник III отделения собственной его величества канцелярии и канцелярия военного министерства, и в то же время доклад аудиториа́тского департамента для внесения, о производстве Ахшарумова, в проекте высочайшего приказа, с назначением его на службу, согласно высочайшему соизволению, в войска, по усмотрению сего департамента.

Свиты его величества, генерал-майор Герштенцвейг]

На верхнем поле документа помета. «Должено господину военному министру 25 октября 1856 г.».

Октября 1856 г.

IX

Канцелярия инспекторского департамента военного министерства имеет честь препроводить при сем по принадлежности в первое отделение аудиториа́тского департамента отношение инспекторского департамента за № 1330, с приложением при оном экземпляра высочайшего приказа о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики 25 октября 1856 г.

Подписал: Исправляющий должность правителя канцелярии
Пятницкий

Верно: Губ. секр. (подпись)

25 октября № 13.

6. ОБ УВОЛЬНЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

I

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

По канцелярии. № 5819

Получено 2 апреля

Господину военному министру

Командира отдельного Сибирского корпуса

РАПОРТ

Об увольнении от службы 7-го батальона прапорщика Достоевского.

Представляя вашему высокопревосходительству прошение на высочайшее имя прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, с форму-

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография начала 1860-х гг.
Музей им. Достоевского, Москва

лярным списком, медицинским свидетельством и реверсом, имею честь покорнейше просить об исходатайствовании высочайшего соизволения на увольнение его от службы, согласно представляемой докладной записки.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*
Нач. штаба, генерал-майор *Гинтовт*

№ 1579

8 марта 1858 г.
г. Омск

II

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

По представлению командира отдельного Сибирского корпуса.

Об увольнении от службы.

По пехоте.

За болезнью.

Прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский, с награждением следующим чином.

Начальник штаба, генерал-майор *Гинтовт*

III

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император
Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Сибирского линейного батальона
№ 7-го прапорщик Федор Михайлов сын
Достоевский о нижеследующем.

В службу вашего императорского величества поступил я, из дворян С.-Петербургской губернии, кондуктором 838. января 16-го, в кондукторскую роту главного инженерного училища, соизволения его императорского высочества генерал-инспектора инженерной части, за хорошее поведение и знание фронтальной службы произведен в унтер-офицеры 840. ноября 29-го, по высочайшему повелению переименован в портупей-юнкера 840. декабря 27-го в оной же роте. Произведен по экзамену в полевые инженер-прапорщики тысяча восемьсот сорок первого года августа пятого дня, имея от роду девятнадцать лет, с оставлением в главном инженерном училище для продолжения полного курса наук в нижнем офицерском классе, по экзамену подпоручиком 842. августа 11-го, с переводом в верхний офицерский класс, по распоряжению начальства выпущен из главного инженерного училища, по окончании курса наук в верхнем офицерском классе, на действительную службу в инженерный корпус 843. августа 12-го, зачислен при С.-Петербургской инженерной команде с употреблением при чертежной инженерного департамента 843. августа 23-го, высочайшим приказом уволен за болезнью от службы с чином поручика 844. октября 19-го, из списков С.-Петербургской инженерной команды исключен 844. декабря 17-го, по высочайшему повелению разжалован 849. декабря 19-го с отсылкою в каторжную работу в крепостях. По окончании срока рядовым 854. марта 2-го, в сей Сибирский линейный батальон № 7, по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры 856. января 15, по высочайшему повелению за отличие по службе произведен в прапорщики 1856 г. октября 1-го, в оном же батальоне, по выборам дворянства не служил. В продолжение всей моей службы в походах и в делах против неприятеля не находился. Особых поручений по высочайшим вашего императорского величества повелениям и от своего начальства не имел. Орденами и знаками отличия награждаем не был, высочайших благоволений всемилостивейших рескриптов и наград не получал. В штрафах находился по высочайше утвержденной конфирмации, состоявшейся в 19-ый день декабря 1849 года, последовавшей на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. Лишен чина поручика, всех прав состояния с ссылкой в каторжную работу в крепостях на четыре года. Но по высочайшему вашему императорского величества повелению, сообщенному г. военным министром от 18 апреля 1857 года за № 2468 к г. командиру отдельного Сибирского корпуса, объявлено мне и законным детям даровать прежние права по происхождению, но без права на прежнее имущество. В отпуску был 1843 года с 21 июня на 28 дней и на срок явился. Обучался в главном инженерном училище. Женат на вдове губернского секретаря Исаева Марье Дмитриевой, детей не имею, православного исповедания [жена] находится при мне, за мною, родителями моими и женою имения родового и благоприобретенного не состоит. От роду мне ныне 35 лет. *К сему прошению*

Ныне по расстроеному совершенно на службе здоровью, чувствую общую слабость сил в организме, при истощенном телосложении, и частовре-

менно страдаю нервною болью лица, вследствие органического страдания головного мозга, я не могу далее продолжать службу вашего императорского величества, о чем прилагаю у сего за подписью прикомандированного к Сибирскому линейному батальону № 7 лекаря Ермакова свидетельство за № 26, учиненное в присутствии оного № 7 батальона штабс-капитана Бахирева. А потому всеподданнейше прошу. *Сибирского линейного батальона № 7*

Дабы повелено было сие прошение принять и меня, поименованного по вышепрописанным болезням, означенным в свидетельстве за № 26, от воинской службы на основании 469 ст. 1-го продолжения 11 копии II части свода военных постановлений уволить с повышением чина, за что я после отставки ни о каком другом казенном содержании просить не буду, прилагаю у сего мой реверс января 16-го дня 1858 года, к подаанию надлежит командиру Сибирского линейного батальона № 7. Сие прошение набело переписывал Сибирского линейного батальона № 7 унтер-офицер Андрей Андреев сын Шилищын, а сочинял сам проситель. *Прапорщик ФЕДОР МИХАЙЛОВ сын ДОСТОЕВСКИЙ руку приложил* *).

Жительство иметь буду в столичном гор. Москве.

IV

РЕВЕРС

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если по всеподданнейшей моей просьбе разрешится мне увольнение от службы, то более о казенном пропитании просить нигде не буду. Жительство по отставке буду иметь в столичном городе Москва. 16 января 1858 года. Областной город Семипалатинск.

Сибирского линейного батальона № 7-го прапорщик Достоевский **.

V

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Вследствие предписания командиру Сибирского линейного батальона № 7 господина майора и кавалера Денисова от 16 числа декабря 1857 года за № 3029, свидетельствовал я совместно с штабс-капитаном сего батальона Бахиревым прапорщика того же батальона Федора Михайлова Достоевского, при чем оказалось: лет ему от роду 35, телосложение посредственное, в 1850 году в первый раз подвергся припадку падучей болезни (Epilepsia), которая обнаруживалась: вскрикиванием, потерей сознания, судорогами конечностей и лица, пеною перед ртом, хрипучим дыханием с малым, скорым, сокращенным пульсом. Припадок продолжался 15 минут. Затем следовала общая слабость и возврат сознания. В 1853 году этот припадок повторился и с тех пор является в конце каждого месяца.

В настоящее время г. Достоевский чувствует общую слабость сил в организме при истощенном телосложении и частовременно страдает нервною болью лица вследствие органического страдания головного мозга.

Хотя г. Достоевский пользовался от падучей болезни почти постоянно в течение четырех лет, но облегчения не получил, а потому службы его величества продолжать не может. В удостоверение чего подписом моим и приложением [нрзб.], моей печати свидетельствую. 1857 года декабря 21 дня, г. Семипалатинск.

Прикомандированный к Сибирскому линейному № 7 батальону лекарь Ермаков. При освидетельствовании находился Сиб. лин. № 7 б-на шт.-кап. Бахирев.

* Подчеркнутое рукою Достоевского, как и окончание двух предыдущих абзацев. Подпись согласно тогдашнему правилу проходит через весь документ и частично фигурирует под каждым абзацем.

** Вся строка рукою Достоевского.

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

Секретно

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

5 апреля 1858 г.

№ 379.

Господину управляющему III отделением
собственной его императорского величества
канцелярии.

По представлению об
увольнении прапорщи-
ка Сибирского линейно-
го № 7 батальона До-
стоевского, за болезнью,
от службы с дозволе-
нием жить в Москве.

Командир отдельного Сибирского корпуса по
вступившему по команде прошению на высочайшее
имя ходатайствует об увольнении, за болезнью, от
службы прапорщика Сибирского линейного № 7 ба-
тальона Достоевского, сужденного в 1849 году по
прикосновенности к делу преступника Буташевича-
Петрашевского. Прапорщик Достоевский, в данном
реверсе, обязался по получении отставки, иметь
жительство в Москве.

Согласно отношению господина главного начальника III отделения соб-
ственной его величества канцелярии от 6 мая минувшего года № 1090, имею
честь покорнейше просить ваше превосходительство почттить уведомлением
о том, не встречается ли со стороны III отделения канцелярии препятствия
к испрашиваемому увольнению прапорщика Достоевского от службы с дозво-
лением иметь по отставке жительство в Москве.

Пидписал: Исправляющий должность дежурного генерала
свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: (подпись неразборчива)

VII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

Секретно

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

7 апреля 1858 г.

№ 380.

В аудиториа́тский департамент
военного министерства

По представлению об
увольнении прапорщи-
ка Сибирского линей-
ного № 7 батальона До-
стоевского за болезнью,
с дозволением жить в
Москве.

Командир отдельного Сибирского корпуса по
вступившему по команде прошению на высочайшее
имя ходатайствует об увольнении, за болезнью, от
службы прапорщика Сибирского линейного № 7 ба-
тальона Достоевского, сужденного в 1849 г. по при-
косновенности к делу преступника Буташевича-Пет-
рашевского. Прапорщик Достоевский, в данном ре-
версе, обязался, по получении отставки, иметь жи-
тельство в Москве.

Инспекторский департамент имеет честь покорнейше просить аудито-
риатский департамент почттить уведомлением о том, не встречается ли по

делам сего департамента препятствия к испрашиваемому увольнению прапорщика Достоевского от службы, с дозволением иметь, по отставке, жительство в Москве, и долгом считает присовокупить, что вместе с сим сделано сношение по означенному предмету с управляющим III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Подписал: Вице-директор полковник граф *Сиверс*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: Кол. секр. *Гладков*

VIII

III ОТДЕЛЕНИЕ
СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРИИ

ЭКСПЕДИЦИЯ

С.-Петербург.

9 апреля 1858 г.
№ 771.

Секретно

Господину исправляющему должность
дежурного генерала главного штаба
его императорского величества

Писано: в ауд. д-те во-
енного министерства 4
мая за № 435 и отпуск
с оного приобщен к
делу 1856 г. № 1133, от-
носительно разрешения,
на общем основании,
отпусков и отставок
офицерам из политиче-
ских преступников.

Вследствие отношения вашего превосходитель-
ства за № 379, имею честь уведомить, что к уволь-
нению от службы прапорщика Сибирского линейного
№ 7 батальона Достоевского III отделение собствен-
ной его императорского величества канцелярии пре-
пятствия не встречает, с тем, чтобы он, с увольне-
нием в отставку, подвергнут был в местах его жи-
тельства секретному надзору; что же касается наме-
рения сего офицера проживать по отставке в Москве,

то считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что по общеприня-
тому порядку всем политическим преступникам, получающим всемиловейше-
е прощение, предоставляется право жительства во всех местах империи,
кроме столиц.

Управляющий отделением свиты его величества генерал-майор (подпись)

IX

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ I.

3 мая 1858 г.
№ 2127.

В инспекторский департамент
военного министерства.

Ответ на № 380, о пра-
порщике Достоевском.

Вследствие отношения инспекторского департа-
мента за № 380 аудиториацкий департамент имеет
честь уведомить, что, по общим правилам, соблюдае-
мым при облегчении участи лиц из политических

преступников, состоящих на службе в войсках, прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский может быть уволен в отставку, но не иначе, как с воспрещением въезда в С.-Петербург и Москву и с учреждением за ним секретного надзора.

Генерал-аудитор (подпись)
Управляющий отделением (подпись)

X

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

Секретно.

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

20 июня 1858 г.
№ 595.

В аудиторiatский департамент
военного министерства.

О доставлении сведения: о том, может ли быть уволен от службы прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский без испрошения на сие высочайшего разрешения всеподданнейшим докладом.

(Разрешение по этому вопросу получено в отношении аудит. д-та от 1 дек. 1858 г. за № 33).

Инспекторский департамент, озабочиваясь разрешением вступившего в сей департамент, в марте месяце сего года, представления, по просьбе сужденного по происшествию 1849 года, прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, об увольнении его по болезни от службы, остановившегося в производстве за неполучением ожидаемого от аудиторiatского департамента, на отношение в оной инспекторского департамента 14 минувшего мая за № 485, сведения о том, может ли офицер сей, за силою последовавшего в 24-ый день минувшего апреля месяца по докладу аудиторiatского департамента высочайшего повеления относительно разрешения на

общем основании отпусков и отставок офицерам из политических преступников, быть уволен от службы без испрошения на то разрешения, — долгом считает покорнейше просить аудиторiatский департамент не оставить ускорить сообщением инспекторскому департаменту означенного сведения.

Подписал: За вице-директора статский советник *Меркулов*
Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*
Верно (подпись)

XI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

29 июня 1858 г.
№ 7741.

В аудиторiatский департамент
военного министерства.

О доставлении сведений относительно порядка увольнения от службы прапорщика Достоевского.

Инспекторский департамент, в последствие отношений своих от 14 мая и 20 июня сего года за №№ 485 и 595, вновь имеет честь покорнейше просить аудиторiatский департамент ускорить доставлением сведений относительно порядка увольнения

от службы прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского.

К сему департамент сей долгом считает присовокупить, что за неполучением означенного сведения, приостановлено также исполнение по вступившему ныне представлению, об увольнении от службы осужденного по одному делу с прапорщиком Достоевским — подпоручика Кавказского линейного № 4 батальона Кашкина.

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Подписал: Вице-директор флигель-анджютант полковник граф *Сиверс*

Верно (подпись)

XII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

15 декабря 1858 г.
№ 12528.

Господину командиру
отдельного Сибирского корпуса

Дежурного генерала главного штаба
его императорского величества

РАПОРТ

Относительно ходатайства о дозволении прапорщику Достоевскому иметь в отставке жительство в Москве.

Ваше высокопревосходительство, при рапорте от 8 минувшего марта за № 1579, изволили препроводить прошение прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона, из политических преступников, Достоевского об увольнении его, по болезни, от службы.

В представленном, при прошении, реверсе прапорщик Достоевский обязывается иметь, в отставке, жительство в Москве.

За силою известного вашему высокопревосходительству из отношения г. военного министра от 12 сего декабря за № 1106, высочайшего повеления, прапорщик Достоевский не имеет права на въезд в губернии С.-Петербургскую и Московскую, и на отмену сего воспрещения для него, равно на дозволение ему временно прибыть в столицу, во время службы или по выходе в отставку, надлежит испрашивать высочайшее разрешение, по предварительном сношении с III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

По неимению, в виду уважительных причин, и ходатайства вашего высокопревосходительства о дозволении прапорщику Достоевскому иметь, в отставке, жительство в Москве, долгом считаю покорнейше просить почтить меня по сему предмету уведомлением и вместе с тем не оставить сообщить сведение о том, где именно прапорщик Достоевский пожелает иметь жительство в отставке, кроме губерний С.-Петербургской и Московской, если признано будет невозможным дозволить ему жить в Москве.

Подписал: Свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно (подпись)

XIII

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

По канцелярии. № 4009.

Получено 4 марта 1859.

ШТАБ
ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО
КОРПУСА

ПО ДЕЖУРСТВУ
ОТДЕЛЕНИЕ I
13 февраля 1859 г.
№ 925.
г. Омск

Господину дежурному генералу
главного штаба его императорского величества

Начальника штаба

РАПОРТ

Ответ на № 12528
о прапорщике
Достоевском.

Вследствие отношения вашего превосходитель-
ства от 15 декабря 1858 года за № 12528, за отсут-
ствием г. корпусного командира, имею честь донести,
что по объявлении прапорщику Сибирского линей-
ного № 7 батальона, Достоевскому, высочайшего повеления о воспрещении
ему: как въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, так равно и
постоянного жительства в обеих столицах по увольнении его в отставку;
означенный офицер, не имея никаких особенно побудительных причин избрать
постоянным местом жительства г. Москву, пожелал иметь таковое, по уволь-
нении его от службы, в губернском городе Твери.

Генерал-майор (подпись)

Дежурный штаба офицер, майор (подпись)

XIV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

9 марта 1859 г.

Статья для внесения в проект высочайшего
приказа.

Увольняется от службы, за болезнью, Сибирского линейного № 7 ба-
тальона прапорщик Достоевский подпоручиком.

Подписал: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Скрепил: Секретарь *Меркулов*

Верно: Прапорщик (подпись)

ПИСАРСКАЯ КОПИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО
«УМОЛКЛА ГРОЗНАЯ ВОЙНА»
Центрархив, Москва

Умолкла грозная война!
Умолкла борьба окаянная!
На вызовы дерзкой и наглой,
Всё светило губить оскорблена,
Востала Русь, дрожа от гнева!
На бой с отчаянными врагами
И мгла кровавая пошла!
Послана доблестными полками,
Угрозив крестом святым
Всё нестому бою своим,
С Европой мир, добрый с бою,
Восторжество Русская Земля!

XV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

24 марта 1859 г.
№ 316.

Секретно.

Г-ну управляющему III отделением собствен-
ной его императорского величества канцелярии.

Об увольнении прапор-
щика Сибирского ли-
нейного № 7 батальона
Достоевского от служ-
бы.

Высочайшим приказом, в 18-й день сего марта
состоявшимся, сужденный в 1849 году по делу пре-
ступника Буташевича-Петрашевского прапорщик Си-
бирского линейного № 7 батальона Федор Достоев-
ский уволен за болезнью от службы, с награжде-
нием следующим чином. Офицер этот обязался житьельствовать, в отставке,
в г. Твери.

Имею честь уведомить о сем ваше превосходительство для зависящего
распоряжения к учреждению за подпоручиком Достоевским секретного надзо-
ра и долгом считаю присовокупить, что об увольнении означенного офицера
от службы и об избранном им месте жительства в отставке сообщено вместе
с сим министру внутренних дел для надлежащего распоряжения к воспреще-
нию ему въезда в С.-Петербургскую и Московскую губернии.

Подписал: Дежурный генерал свиты его величества генерал-майор

Герштенцвейг

Скрепил: Правитель канцелярии Пятницкий

Верно: Прапорщик (подпись)

XVI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

Секретно.

24 марта 1859 г.
№ 317.

Г-ну министру внутренних дел.

Об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского от службы.

Высочайшим приказом, в 18-й день сего марта состоявшимся, сужденный в 1849 г. по делу преступника Буташевича-Петрашевского прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский уволен за болезнью от службы с награждением сле-

дующим чином. Офицер этот обязался жительствовать, в отставке, в г. Твери.

Имею честь уведомить о сем ваше высокопревосходительство для зависящих распоряжений относительно воспрещения подпоручику Достоевскому въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, на основании высочайшего повеления, сообщенного вашему высокопревосходительству в декабре минувшего года (по аудиторiatскому д-ту), и долгом считаю присовокупить, что об увольнении сего офицера от службы и об избранном им месте жительства в отставке сообщено, вместе с сим, III отделению собственной его императорского величества канцелярии, для учреждения за ним, на основании того же высочайшего повеления, секретного надзора.

Подписал: За военного министра генерал-адъютант князь *Васильчиков*

Скрепил: Дежурный генерал свиты его величества генерал-майор

Герштенцвейг

Верно: Прапорщик (подпись)

XVII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

26 марта 1859 г.
№ 318.Г-ну командиру
отдельного Сибирского корпуса

Секретно.

Дежурного генерала главного штаба
его императорского величества

РАПОРТ

Об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского от службы.

Высочайшим приказом, в 18 день сего марта состоявшимся, прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона, из политических преступников, Достоевский, согласно представлению вашего высокопревосходительства от 8 марта минувшего года за

№ 1579, уволен за болезнью от службы с награждением следующим чином.

Донося о сем вашему высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что об учреждении за подпоручиком Достоевским секретного надзора по избранному им месту жительства в г. Твери и о воспрещении ему въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, вместе с сим сообщено министру внутренних дел и управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Подписал: Свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: Прапорщик (подпись)